

НЕВИДИМЫЙ РУБЕЖ

ОЛЕГ КРАСИН

12:00

КНИГА ПЕРВАЯ

**ОПЕРАЦИЯ
НАЧНЕТСЯ В
ПОЛДЕНЬ**

16+

Олег Красин

**Невидимый рубеж. Книга первая.
Операция начнется в полдень**

«Автор»

2016

Красин О.

Невидимый рубеж. Книга первая. Операция начнется в полдень /
О. Красин — «Автор», 2016

Новая редакция первой книги «Операция начнется в полдень» трилогии «Невидимый рубеж». События разворачиваются в областном городе Уральске вокруг приватизации металлургического комбината, имеющего оборонное значение. Сотрудники ФСК (с 1995 г. ФСБ) Забелин и Цыганков противостоят коррумпированным чиновникам и местному криминалу, пытающимся получить контроль над предприятием.

Олег Красин

Невидимый рубеж. Книга первая.

Операция начнется в полдень

Книга первая

Операция начнется в полдень

© Павлов О. Б., 2013г.

Все права защищены

Оглавление

Книга первая

Фаза первая

Замысел

Уральск, шоссе Новаторов, 5 мая 1994 г., 11:30

Уральск, УФСК России по Уральской области, кабинет полковника Шумилова Н. П., 5 мая, 15:00

Уральск, УФСК по Уральской области, кабинет полковника Кислицына Б. И., 5 мая, 16:30

Уральск, Администрация Уральской области, кабинет главы администрации Медведева А. И., 6 мая, 10:00

Уральск, Комитет по Управлению имуществом Уральской области, кабинет председателя комитета Плотникова М. Я., 10 мая, 11:30

Уральск, зал администрации Уральской области, конкурс по продаже объектов недвижимости, 25 мая, 10:00

Уральск, УФСК по Уральской области, кабинет подполковника Усольцева Л. П., 27 мая, 09:50

Уральск, Администрация Уральской области, кабинет главы администрации Медведева А. И., 30 мая, 11:00

Уральск, бар «Джон Сильвер», 31 мая, 20:30

Оперативные документы

Уральск, металлургический завод, кабинет генерального директора Генералова А. Н., 4 июня, 11:05

Уральск, больница скорой медицинской помощи, палата хирургического отделения, 8 июня, 11:45

Уральск, УФСК России по Уральской области, кабинет полковника Кислицына Б. И., 10 июня, 09:27

Уральск, квартира капитана Цыганкова, 5 июня, 20:30

Уральск, УФСК по Уральской области, кабинет полковника Кислицына Б. И., 17 июня, 14:30

Уральск, Комитет по Управлению имуществом Уральской области, кабинет председателя Плотникова М. Я., 21 июня, 10:05

Уральск, больница скорой медицинской помощи, 22 июня, 13:10

Уральск, Центральный городской парк, передвижной зоопарк, 25 июня, 13:28

Уральск, спорткомплекс «Сельмаш», 25 июня, 15:00

Уральск, проспект Ленина, 28 июня, 12:20

Оперативные документы

Уральск, УФСК по Уральской области, кабинет полковника Кислицына Б. И., 29 июня, 12:30
Уральск, казино «Эльдорадо», 1 июля, 20:00
Уральск, Центральный городской парк, 4 июля, 11:55
Уральск, офис компании «Белла Донна», 11 июля, 16:45
Уральск, два телефонных разговора, 11 июля, вечер
Уральск, металлургический завод, кабинет генерального директора Генералова А. Н., 12 июля, 9:35
Уральск, УФСК по Уральской области, 12 июля, 11:00
Оперативные документы
Уральск, Центральный городской парк, 16 июля, 12:18
Уральск, УФСК по Уральской области, кабинет генерал—майора Алексева В. Г., 18 июля, 10:20
Уральск, УФСК по Уральской области, кабинет полковника Шумилова Н. П., 19 июля, 10:00
Фаза вторая
Подготовка
Уральск, УФСК по Уральской области, кабинет майора Забелина С. П., 19 июля, 10:30
Аэропорт Плеханово, помещение аэровокзала, 20 июля, 09:00
Уральск, Администрация Уральской области, кабинет главы администрации Медведева А. И., 21 июля, 10:50
Уральск, Фонд имущества Уральской области, кабинет Истоминой И. В., 22 июля, 11:30
Оперативные документы
Уральск, кафе «Малахит», контролируемое чеченской преступной группировкой, 27 июля, 19:30
Уральск, городской пляж на р. Каменке, 30 июля, 11:05
Оперативные документы
Уральск, Фонд имущества области, кабинет Красовской Е. Е., 1 августа, 11:33
Оперативные документы
Уральск, бар-ресторан «Вермонт», 2 августа, 20:30
Оперативные документы
Уральск, УФСК по Уральской области, 3 августа, 10:50
Уральск, площадь возле Северного автовокзала, 3 августа, 12:42
Уральск, телефонный разговор, 4 августа, 10:51
Уральск, улица Новая Заречная, 4 августа, 13:10
Уральск, Городская администрация, кабинет заместителя мэра города Серегина В. И., 5 августа, 09:15
Уральск, строящийся торговый центр «Икар», 6 августа, 14:48
Уральск, Комитет по Управлению имуществом, кабинет председателя комитета Плотникова М. Я., 8 августа, 16:55
Уральск, Фонд имущества области, кабинет Красовской Е. Е., 9 августа, 10:20
Уральск, УФСК по Уральской области, кабинет майора Забелина С. П., 9 августа, 10:45
Уральск, гостиница «Уральск», 10 августа, 11:45
Уральск, центральный городской парк, 10 августа, 13:35
Уральск, Фонд имущества области, кабинет Истоминой И. В., 11 августа, 15:20
Фаза третья
Исполнение

Уральск, УФСК по Уральской области, кабинет полковника Шумилова Н. П., 11 августа, 16:38

Уральск, площадь для стоянки автомашин перед зданием администрации Уральской области, 12 августа, 13:45

Уральск, Комитет по Управлению имуществом Уральской области, кабинет председателя комитета Плотникова М. Я., 16 августа, 09:15

Уральск, Центральный городской парк, 16 августа, 14:15

Уральск, Офис компании «Белла Донна», 16 августа, 16:30

Уральск, УФСК по Уральской области, кабинет капитана Цыганкова А. И., 18 августа, 20:10

Оперативные документы

Уральск, приемная председателя Комитета по Управлению имуществом Уральской области Плотникова М. Я., 19 августа, 09:30

Уральск, УФСК РФ по Уральской области, 19 августа, 17:10

Уральск, дом, где проживает Плотников М. Я., 20 августа, 10:10

Уральск, УФСК по Уральской области, кабинет подполковника Усольцева Л. П., 20 августа, 10:24

Уральск, два телефонных разговора, 22 августа, 10:12

Уральск, УФСК по Уральской области, 22 августа, 12:55

Уральск, площадь перед областной администрацией, 22 августа, вечер

Уральск, улица Новая Заречная, 23 августа, 16:10

Уральск, УФСК по Уральской области, 23 августа, вечер

Уральск, кафе «Малахит», 23 августа, 21:25

Уральск, УФСК по Уральской области, 24 августа, 09:10

Уральск, сквер возле здания областной администрации, 24 августа, 11:39

Уральск, дорога к дому, где проживает Забелин, 24 августа, 19:30

Уральск, здание областной администрации, Малый зал, аукцион по продаже акций металлургического завода, 25 августа, 10:00

Уральск, кабинет председателя Комитета по Управлению имуществом Уральской области Плотникова М. Я., 25 августа, 15:55

Оперативные документы

Уральск, Фонд имущества Уральской области, кабинет Красовской Е. Е., 26 августа, 08:30

Уральск, УФСК РФ по Уральской области, 26 августа, раннее утро

Уральск, частный дом на улице Полярников, 26 августа, 23:45

Уральск, квартира Забелина, 27 августа, 06:10

Уральск, казино «Эльдорадо», 27 августа, 06:25

Уральск, Фонд имущества Уральской области, кабинет Истоминой И. В., 27 августа, 09:30

Уральск, УФСК РФ по Уральской области, 27 августа, 09:40

Уральск, кабинет председателя Комитета по Управлению имуществом Уральской области Плотникова М. Я., 27 августа, 09:55

Уральск, УФСК по Уральской области, 27 августа, 10:05

Уральск, перекресток улиц Советской и Бабея, 27 августа, 10:44

Уральск, кабинет председателя Комитета по Управлению имуществом Уральской области Плотникова М. Я., 27 августа, 11:05

Уральск, площадь перед зданием областной администрации, 27 августа, 11:15

Уральск, здание областной администрации, 27 августа, 11:40

Уральск, здание областной администрации, 27 августа, 11:49

Уральск, Фонд имущества Уральской области, кабинет Истоминой И. В., 27 августа, 12:05

Уральск, здание областной администрации, 27 августа, 12:15

Уральск, берег реки Каменки, 27 августа, 12:50

Фаза первая

Замысел

Уральск, шоссе Новаторов, 5 мая 1994 г., 11:30

«Третий, Третий, доложите обстановку!»

Майор ФСК¹ Сергей Забелин слышал знакомый голос в динамике рации и на миг представил начальника отдела Шумилова, который обычно курил сигарету за сигаретой в своем кабинете, сидя за столом и отдавая указания. Высокий, худощавый, одетый с иголки, полковник всегда выглядел спокойно, даже флегматично, и Забелин не помнил ни одной ситуации, служебной или частной, в которой начальник сорвался бы на гневный окрик.

Еще Шумилов обладал двумя привычками, о которых было известно всем сотрудникам отдела: когда был доволен, то медленно потирал, ощупывал рукой подбородок, будто проверяя качество утреннего бритья. Второй его привычкой являлось устойчивое словосочетание, употреблявшееся в минуты наибольшего возмущения. «Дело доходит до смешного!» – бросал он, и всем становилось понятно, что они напортачили.

В кабинете Шумилова всегда было накурено и сегодня, в день проведения операции, дым наверняка висел там едким смогом, заполняя все пространство комнаты.

«База, это Третий, следуем за объектом, пока ничего подозрительного», – ответил Забелин, ехавший в «Волге» бригады наружного наблюдения. Они осуществляли скрытое сопровождение, следуя за вазовской «семеркой» вишневого цвета и пропустив вперед себя две легковые машины для маскировки.

За неделю до этого в Управление федеральной службы контрразведки по Уральской области обратилась молодая женщина Маргарита Виккерс – типичная бизнесвумен, у которой на пороге фирмы появились некие бритоголовые люди спортивного вида и предложили крышу для ее магазинов в Кировском районе города. Еще в декабре прошлого года она согласовала в администрации Уралья проект крупного торгового центра, и разборки с уголовной шпаной ей были совсем ни к чему.

Эта женщина почему-то не пошла в Управление по борьбе с организованной преступностью, возможно, из-за недоверия к милиции, а может, по другим причинам. Бандиты хотели за крышу получить тридцать тысяч долларов, но чекисты планировали положить в сумку только муляжи пачек. Настоящие деньги передавать никто не собирался.

Разработкой операции по задержанию вымогателей занялся сам Шумилов.

Один из заместителей начальника Управления, курировавший работу отдела, некто полковник Кислицын, изучив заявление Виккерс, прочел Шумилову целую лекцию, оказавшуюся совсем не к месту. Светловолосый, с мясистым грубым лицом, тучный и неповоротливый, Кислицын являлся бывшим выходцем из комсомола и любил громкие, трескучие речи.

«Молодых бизнесменов надо поддерживать, опекать и оказывать им всяческую помощь: такова политика государства, провозглашенная президентом Ельциным, – заявил он, используя по привычке пропагандистские штампы. – Нам требуется создать класс собственников, людей, которым есть что терять, которые будут надежной опорой нового строя, и роль органов безопасности в этом процессе должна быть ощутимой».

Кислицын говорил еще долго и на всем протяжении этой нудной, высказанной менторским тоном речи, Шумилову отчаянно хотелось курить. Опустив руку в карман пиджака, он зажал пальцами пачку сигарет и ожесточенно мял ее, тихо матерясь про себя.

В свое время Шумилов насмотрелся на этих чиновников от госбезопасности, говоривших правильные слова, дававших указания с важным видом. При первых признаках демократической грозы, разразившейся в номенклатурном небе, они резво покинули коммунистический корабль, следовавший курсом в светлое будущее, а заодно и стены учреждения под названием КГБ. Однако Кислицын каким-то образом задержался и сейчас выглядел в стенах обновленной службы странным атавизмом, как если бы к современному стеклобетонному зданию прилепили дорические колонны, вывезенные из Греции.

Передачу денег бандиты назначили на центральном городском рынке в полдень. Для задержания вымогателей было подготовлено несколько оперативных групп, которые находились вблизи условленного места.

Один из сотрудников Управления, сослуживец Забелина по отделу капитан Цыганков, выступил в роли посредника и должен был непосредственно участвовать сначала в передаче, а потом и захвате вымогателей. Это он ехал в вишневой «Семерке», а Забелин с ребятами из наружки сопровождали его в качестве прикрытия.

На всякий случай в сумку с фальшивыми долларами вшили радиомаяк, который мог и не потребоваться, но Шумилов решил подстраховаться – чем черт не шутит! Это изделие осталось еще с кагэбэшных времен, оно было удобным, миниатюрным, долго держало зарядку, хотя и имело небольшой радиус действия.

Между тем рация снова ожила.

– Первый, как у вас дела? Что наблюдаете? – поинтересовался Шумилов.

– База, пока все спокойно. Возле интересующего места крутятся несколько азеров. Это люди директора рынка, новых лиц не замечено.

– Продолжайте наблюдение.

Позывной «Первый» принадлежал Игорю Лысенко – начальнику второго отделения в отделе Шумилова. Его группа совместно с членами АОБГ² Управления должна была осуществить сам захват. Люди Лысенко уже находились на рынке, маскируясь под обычных покупателей, и были готовы немедленно действовать по сигналу старшего.

Забелин испытывал обычное возбуждение, которое всегда появлялось у него при участии в делах подобного рода. С 1991 года, когда в КГБ создали отделы по борьбе с коррупцией, контрабандой и организованной преступностью, ему уже приходилось несколько раз участвовать в операциях по захвату бандгрупп или, как их называли, бригад, возникавших в начале девяностых как грибы. Он не мог припомнить другие годы по сравнению с нынешним годом, чтобы было столько сообщений в прессе и телевидении о вымогателях и их захватах. Как будто криминальная лавина обрушилась на города и веши России, грозя полностью снести жалкие обломки системы правосудия, оставшейся от советских времен.

«Через десять минут буду у рынка», – четко прозвучал по рации голос Цыганкова.

«Всем приготовиться!» – отдал команду Шумилов.

Шоссе Новаторов тянулось вдоль всего города, местами уходя под мосты и часто прерываясь кольцевыми развязками. Такую длинную дорогу Забелин встречал только однажды, в Волгограде, будучи в служебной командировке. По волгоградской дороге можно было проехать, не останавливаясь, через весь город, который растянулся по берегам Волги на несколько десятков километров.

Погода в мае не баловала теплом. Светило яркое солнце, но было прохладно – дул северный ветер. Большинство оперативников надели черные кожаные куртки, которые еще осенью в большом количестве коммерсанты завезли на местные рынки из Турции и Китая.

Забелин был одет, как и все. Если бы не современный буржуазный антураж: иностранные машины, многоэтажные дома, рестораны, рекламные вывески, то могло показаться, что это чекисты времен революции в черных кожанках едут на операцию. Только вместо маузеров в кобуре скрытого ношения находились пистолеты Макарова.

Сергей внимательно следил за происходящим на шоссе. Его машина ехала по левому ряду, как и «Жигули» Цыганкова, поэтому Забелин мог спокойно наблюдать за всеми автомобилями, оказавшимися возле «Семерки». Изредка он поглядывал в боковое зеркало заднего вида, чтобы убедиться в отсутствии чужого преследования, но постоянно следующих за ними одних и тех же машин не заметил.

Вскоре несколько тяжелогруженных фур «КамАЗов» с казахстанскими номерами догнали машину Забелина, а потом, тяжело урча, поползли по крайнему правому ряду вперед. Обойдя три машины, они поравнялись с «Жигулями» Цыганкова, и один из «КамАЗов» принял влево, полностью закрыв обзор Забелину.

Приближался перекресток со светофором, от которого до рынка было рукой подать. Забелин выругался про себя. Он огляделся, пытаясь найти брешь, через которую можно приблизиться к Цыганкову, но машины вокруг ехали плотной массой и пробиться сквозь них было невозможно, не раскрывшись перед возможными преследователями.

Внезапно колонна транспорта резко затормозила. Забелин увидел, как у самого светофора один из «КамАЗов» подрезала белая вазовская «девятка». На светофоре загорелся красный цвет, движение прекратилось.

Происходящее там, у самого перекрестка, Забелин видеть не мог, отрезанный большим расстоянием от Цыганкова. К тому же обзор ему закрывали высокие борта грузовых машин. Он схватил рацию, вызвал Шумилова:

– Я Третий, База, ответьте!

– Что у вас?

– Ко Второму подошла чужая «Девятка». Они встали у перекрестка. Я их не вижу, ситуацию не контролирую.

– Спокойно, Третий, – Шумилов, вероятно почувствовав волнение в голосе подчиненного, тут же попробовал связаться с Цыганковым:

– Второй, Второй, доложите обстановку.

Рация Цыганкова молчала.

– Приготовьте оружие! – приказал Забелин сотрудникам наружного наблюдения. Сам он достал пистолет и опустил руку с оружием на колени. Он уже хотел выскочить и добежать до Цыганковской машины, как вдруг «Девятка» выскочила на перекресток в то время, когда еще горел красный свет, и, резко повернув направо, помчалась по другой дороге. Она набирала скорость, лавируя в плотном потоке машин.

Сразу по рации раздался голос Цыганкова:

– База, Второй докладывает, сумка в белой «Девятке», номер замазан грязью. Уходят в сторону городка Metallургов. В машине четыре человека, все вооружены, у двух автоматы.

– Саня, ты как там? Все нормально? – не выдержав, крикнул Забелин.

– Третий, не нарушайте правила работы в эфире, – попенял ему Шумилов и тут же отдал команду: – Внимание всем группам, начать преследование «Девятки» белого цвета! Машина движется по улице Тевосяна в сторону городка Metallургов. В ней четыре человека, все вооружены. Первый, свяжитесь с милицией, пусть выставят заслоны. Беркут, Беркут! – обратился он к старшему бригады наружного наблюдения, – ведите машину по маяку.

Забелин приказал водителю немедленно трогать, и они, нарушая все писанные и неписанные правила дорожного движения, отчаянно сигналили, с трудом маневрируя между другими машинами, переместились из левого ряда в правый, а затем на светофоре повернули вслед за машиной Цыганкова. По улице Тевосяна плотным потоком двигались грузовые и легковые машины, но «Девятка» бандитов пропала из поля зрения.

«Неужели упустили?» – подумал с досадой Забелин.

Однако еще оставалась надежда, что наружка ведет бандитов по радиомаяку. Он прикинул к рации в ожидании, что вот-вот раздастся голос Шумилова, имевшего прямую связь с оперативниками наружного наблюдения, и те обозначат координаты, куда следует немедленно выдвинуться всем группам. Однако рация молчала.

Они безрезультатно проехали еще пару километров, пока не увидели на обочине вишневую «Семерку» Цыганкова. Обычно подвижный как ртуть, похожий на подростка из-за небольшого роста, Цыганков теперь стоял возле машины и нервно курил. Когда Забелин подошел к нему, тот был внешне спокоен, только руки его немного подрагивали от пережитого волнения. Ветер трепал черные, как смоль, волосы на его голове.

– Сашок, ты как, цел? – спросил Забелин с чувством внутреннего облегчения.

– Да пошло оно все! – Цыганков сплюнул под ноги. – Серега, я узнал этих бандюганов, это люди Матвея.

– Брось! – удивился Забелин, – разве Матвей занимается рэкетом?

– Выходит, занимается!

Забелин тоже закурил.

– Черт, и наружка не смогла отследить! – озабоченно сообщил он Цыганкову. – Потеряли этих уродов вместе с маячком, а тот еще от КГБ достался. Теперь точно на ковер вызовут, жди разборок.

В это время дверца его машины открылась, и один из разведчиков наружного наблюдения сообщил:

– Сергей, «База» передала всем отбой и приказ возвращаться.

Забелин вздохнул:

– Недолго музыка играла, по крайней мере, это не смертельно. Поехали, Сашок!

Ободряюще похлопав Цыганкова по плечу, Забелин пошел к машине. Он шел с тяжелым чувством, предвидя служебное разбирательство и нервотрепку для всего отдела.

***Уральск, УФСК России по Уральской области, кабинет полковника Шумилова
Н. П., 5 мая, 15:00***

В кабинете Шумилова собрались все старшие групп, отвечавшие за проведение операции по захвату вымогателей. Шумилов нервно ходил по кабинету, курил сигарету за сигаретой. Сигаретный дым, словно кучевые облака, собравшиеся перед грозой, повис под потолком и медленно вытекал в открытую форточку.

«Ну что? – спросил Шумилов, ни к кому не обращаясь, – проворонили, прошляпили, господа офицеры? Профессионалы, мать вашу! Что прикажете докладывать руководству? Дело доходит до смешного – на нас работала половина Управления, были задействованы все службы, и что в результате? Ноль целых, хрен десятых! Забелин, почему была сорвана операция, что думаешь?»

«Товарищ полковник! – Сергей хотел встать со своего места, но Шумилов махнул рукой, давая разрешение не подниматься. Забелин продолжил: – Вероятно, при планировании были допущены серьезные ошибки. Считаю, что мы не смогли предвидеть ходы противника, нас переиграли на какой-то стадии операции. Но где, когда? Вот вопрос!»

«Может, они следили за машиной Цыганкова все это время, а наружка их упустила? – предположил Лысенко, плотный, крепко сбитый мужчина, проводящий все свободное время в тренажерном зале. – А что, элементарно! Сейчас бандюки подготовлены не хуже нас, а оружие и транспорт у них даже получше. Еще Наполеон говорил, что техника на войне решает все».

«Не техника, а артиллерия, – поправил его Шумилов. – Мне думается, что бандиты, догадывались о предстоящем маршруте Цыганкова. Они спланировали контроперацию, просчитав места возможного перехвата машины, выбрали наилучшее из них и осуществили задуманное. Остается только догадываться, использовались ли ими «КамАЗы» специально, или это было дело случая».

На столе у начальника отдела стояло несколько телефонов цвета слоновой кости с гербами СССР в центре, там, где находился номеронабиратель. Эти телефоны не меняли на современные кнопочные, хотя те были значительно удобнее, с множеством дополнительных функций. Старые аппараты имели одну особенность – они изнутри были покрыты легким металлизированным слоем, который создавал экран и не позволял производить съем информации со стороны. Один из таких аппаратов Шумилова напрямую был связан с кабинетом полковника Кислицына. Стоило Забелину случайно обратить взгляд на стол Шумилова, как он увидел, что на этом телефоне сначала замигала крохотная красная лампочка, а следом раздался звонок.

Шумилов подошел к столу и без видимого желания снял трубку.

– Слушаю, Борис Иванович! – сказал он, голос его прозвучал устало. – Все люди у меня, проводим разбор операции. Есть!

Он положил трубку.

– Нас вызывает Кислицын. А ты, Цыганков, – обратился Шумилов к Александру, сидевшему молча, – ты там не кипятишься, веди себя спокойней, а то я тебя знаю! Начнешь доказывать, что не рыжий. Это мне ты можешь доказывать, у Кислицына слушай указания и не возражай.

– А что я? – удивился Цыганков. – Вы же знаете, против Калаша не попрешь с Пээмом. И потом, я не рыжий, я брюнет.

Полковник Кислицын пил в это время чай с лимоном. Увидев входивших сотрудников отдела во главе с начальником, он кивнул, чтобы вошедшие расположились за длинным столом, где обычно проводились совещания. Отставив стакан с чаем в сторону, он спросил строгим тоном:

– Товарищ Шумилов, почему отдел провалил операцию? Вы провели анализ, вскрыли причины? Я считал, что вы достаточно хорошо подготовились, чтобы не допускать ошибок!

Его светло-блеклые глаза потемнели, и на крупном лице возникло выражение угрюмой сосредоточенности, появляющееся обычно перед разносами.

– Товарищ полковник, – Шумилов слегка закашлялся, – мы проработали все тщательным образом, план операции был доложен лично вам и не вызвал возражений. Это досадный срыв, причины которого мы пока не выяснили.

– Вот именно, не выяснили! Настоящие причины всегда лежат на поверхности. Я уверен, что не обошлось без утечки информации. Надо разобраться, кто имел к ней доступ, кто знал о времени проведения операции, о маршруте следования Цыганкова, о его прикрытии.

– Не думаю, что в наших рядах есть человек, способный продать информацию бандитам, – с сомнением произнес Шумилов.

– Как говорил Мюллер: «В этом мире никому верить нельзя». Поэтому, Николай Поликарпович, не зарекайтесь! Признайтесь, что допустили грубейшие ошибки при подготовке, а ошибки с вашим опытом вещь труднообъяснимая! Я вообще не понимаю, – начал говорить Кислицын на повышенных тонах, – как это могло произойти? Сорвать простейшую опера-

цию, словно вы молодые опера, первогодки! Что мне докладывать генералу, что докладывать наверх?

Все подавленно молчали.

– Я хотел бы послушать капитана Цыганкова, – продолжил Кислицын, раздраженно постукивая чайной ложечкой в стакане. – Интересны его выводы о провале операции?

Цыганков поднялся с места, и, несмотря на кажущееся спокойствие, Забелин почувствовал его сильнейшее волнение.

– Товарищ полковник, – начал Цыганков, – мы все делали по плану. Я получил деньги, выехал на шоссе Новаторов, при этом постоянно проверялся, меня никто не пас, то есть не ехал следом, кроме наших. Потом эти взялись непонятно откуда. Подскочили перед светофором, наставили стволы. Что было делать? По радиии не свяжешься. Оторваться от них было невозможно, потому что машины шли плотно по Тевосяна...

– Оправдания всегда можно найти, Цыганков, – грубо перебил Кислицын. – Но я повторяю, что мне теперь докладывать начальнику Управления, как оправдываться? Каков результат, я вас спрашиваю? Деньги ушли к бандитам. Это раз. Защитить интересы потерпевшей мы не смогли, поскольку вымогатели получили свой навар. Это два. Опустили свой имидж перед милицией и в глазах населения, если, конечно, об этом случае станет широко известно. Это три. Итак, одни минусы в нашей работе. А где же плюсы? Ну, кто ответит? Молчите?

– По крайней мере, мы не раскрылись перед бандюками, – пробормотал Цыганков. – Можно начать все сначала.

– Сначала? – вспылил Кислицын, и его грубое лицо побагровело, – а этого вам мало? В общем так, капитану Цыганкову я объявляю строгий выговор, а в отношении вас, полковник Шумилов, будет решать генерал. Все, совещание закончено!

Уральск, УФСК по Уральской области, кабинет полковника Кислицына Б. И., 5 мая, 16:30

После того как Шумилов с сотрудниками отдела покинул кабинет, Борис Иванович вызвал начальника отделения собственной безопасности подполковника Усольцева.

До недавнего времени Усольцев работал в отделе Шумилова – возглавлял подразделение, которым теперь командовал Забелин. Между Усольцевым и Шумиловым сложились натянутые отношения, вызванные разными подходами к работе. Шумилов любил работать серьезно, не торопясь ни с выводами, ни с действиями; в отличие от него Усольцев был скорохват, у которого нередко поступки опережали мысли. Это часто приводило к существенным ошибкам, которые должны были послужить причиной служебного понижения Усольцева. Однако все сложилось иначе.

В Уральское Управление из далекого Магадана был переведен Кислицын, сразу приметивший опального начальника отделения и взявший его под защиту. Именно Кислицын убедил начальника Управления генерала Алексеева перевести Усольцева в отделение собственной безопасности, а потом назначить на должность руководителя подразделения.

– Леонид Петрович, – обратился Кислицын к Усольцеву, едва тот переступил порог кабинета, – ты слышал о сегодняшней неудачной операции?

– Конечно, Борис Иванович, все Управление гудит.

– Я хотел бы, чтобы ты занялся этим.

– А что, есть подозрения? Что-нибудь конкретное?

– В том то и дело, по отчетам сотрудников Шумилова придаться не к чему: не смогли помешать бандитам, не предвидели их действий. Все так, такое бывает. У нас в Магадане тоже был похожий случай, но мне кажется, что все же была утечка информации или, как сейчас модно говорить, слив. Насколько я могу судить по рапортам, за Цыганковым следовали две

машины: Забелина и машина с разведчиками наружного наблюдения. Прикрытие достаточно серьезное.

– И что, никто из них не заметил хвост? Они же профессионалы!

– Так-то оно так, – полковник прошелся по кабинету. – Профессионалы, которые не заметили любителей. Вот где парадокс.

Он подошел к Усольцеву и доверительно положил руку на округлое плечо собеседника. По внешности Усольцев являлся точной копией актера Леонова – такой же маленький, кругленький, с широким открытым лицом. Но не такой безобидный.

– Я прошу тебя разобраться со всем этим. Нам надо уточнить, кто имел доступ ко всей информации об операции, кто знал время и место передачи денег, маршрут движения Цыганкова.

Усольцев озадаченно засопел:

– Полагаю, эту информацию имело в первую очередь руководство отдела, – он посмотрел, как на его слова отреагирует Кислицын, но тот промолчал. – Я думаю начать с них: Шумилов, Забелин, Лысенко, ну и, конечно, придется проверять Цыганкова. По моим данным, он в последнее время часто общается с криминальными элементами.

– Хорошо! Только учти, Цыганков курирует линию организованной преступности, поэтому его встречи обоснованы. И потом, Шумилова с Лысенко, мне кажется, надо исключить из круга проверяемых. Шумилов – начальник, он такие операции проводит почти каждый день, и почти все они успешны. А Лысенко привлекли по ходу дела как любого другого оперативника. Если проверять его, то надо проверять практически весь отдел. Нет, начать следует с Забелина и Цыганкова. Всем известны их приятельские отношения.

– Хорошо, я понял.

– Для проверки привлеки минимум сотрудников отделения, санкцию на прослушивание их телефонов я дам, здесь не частное жилище, поэтому к прокурору обращаться не будем. И помни, проверять следует очень осторожно. Ты ведь не охотник?

– Нет!

– Жаль, не знаешь, как охотиться на глухарей. Вот я однажды здесь ездил с лесником. Дело по весне было. Я взялся рукой за него, и мы шли с ним шаг в шаг. Только глухарь затокует – идем. Замолчит – останавливаемся. Всю ночь подкрадывались. Ну, подошли на рассвете, я его разглядел и выстрелил.

Кислицын замолчал, продолжая неотрывно смотреть блекло-синими глазами на Усольцева так, что тому стало неуютно, и он поинтересовался:

– А что было потом?

– Ничего. Улетел. Так я к чему, смотри, чтобы не было как у меня: долгий подход не всегда приводит к нужному результату.

Борис Иванович показал, что разговор окончен, отошел к столу, с намерением вызвать по телефону секретаршу из приемной, однако Усольцев не торопился уходить. Тогда Кислицын тяжело повернулся к нему:

– Что-то еще?

– Хотел уточнить, товарищ полковник, с генералом этот вопрос согласован?

– Послушай, Леонид Петрович, – ответил Кислицын с раздражением в голосе, – это я перевел тебя из отдела Шумилова на собственную безопасность. А ведь вопрос стоял о понижении тебя в должности. Я тебя спас, прикрыл твою задницу! Или я не прав?

– Правы, товарищ полковник! Я этого никогда не забуду.

– Поэтому я жду, что ты не будешь задавать лишних вопросов. Ты не делаешь одолжение этой проверкой. Учти, это твоя обязанность – проверить сигнал.

– Я понимаю, но все же... – Усольцев помялся, – сами знаете, Борис Иванович, в таких делах нужна санкция начальника Управления.

– Буду сегодня вечером на приеме у генерала и обо всем доложу, – сухо сообщил Борис Иванович. – Думаю, я в этом вопросе найду полную поддержку. А тебе дам знать о решении начальника завтра.

– Больше вопросов не имею!

Усольцев мягко повернулся и как колобок выкатился из кабинета.

Недовольно посмотрев ему вслед, Кислицын излишне сильно нажал на грифель карандаша, которым подчеркивал отдельные слова в просматриваемом документе. Тонкий грифель сломался. Кислицын чертыхнулся и выбросил карандаш в мусор.

Уральск, Администрация Уральской области, кабинет главы администрации Медведева А. И., 6 мая, 10:00

Глава администрации области Алексей Иванович Медведев был избран на этот пост всего четыре месяца назад. Этот зрелый мужчина в возрасте с густой седой шевелюрой, твердо сжатыми губами и недобрый прищуром глаз, сам себе напоминал битого волка, умудренного жизнью и закаленного производственными сражениями.

Он не принадлежал к клану старых партийных руководителей, но в то же время и не так уж далеко отстоял от них, поскольку был директором крупного подшипникового завода. Их называли «красными директорами», так как считалось, что они руководили производством старыми управленческими методами и всячески тормозили приватизацию. Как независимый кандидат Медведев обошел на выборах секретаря обкома КПРФ, кандидатов от ЛДПР и «Выбора России». Особенно обидно это показалось последним, считавшим себя партией власти.

Получив большой пост, Медведев не отдалился от привычного для него окружения, друзей и знакомых. Один из таких друзей сидел сейчас у него в кабинете. Они пили кофе с коньяком и разговаривали за жизнь. Друга Медведева звали Аркадий Соколовский. Тот походил на типичного инженера. Ранее такие в великом множестве болтались по коридорам какого-нибудь завода с ватманом и рейсфедером в руках и с очередным анекдотом на губах. Инженер-очкарик, словно синоним неудачника, явление по тем временам достаточно заурядное.

Только у Аркадия жизнь сложилась по-другому, и ему удалось поймать бога за бороду. В горбачевские времена он ушел в кооператив, а затем открыл свое дело – у него было несколько оптовых баз по торговле спиртным и сеть магазинов в городе.

– Вот, Леша, ты и попал в эшелон власти, – посмеиваясь, заметил Аркадий. – Кто бы мог подумать тогда, двадцать лет назад?

– Не эшелон, Аркаша, а этаж власти, – Медведев говорил густым басом, который звучно раздавался в его просторном губернаторском кабинете. – Этаж, можно сказать, полуподвальный, цокольный, но по ступенькам, которые ведут наверх, я думаю, мне хода нет.

– А что так?

– Да вот сомневаюсь, что буду ко двору на верхних этажах. Ты же меня знаешь, я, как Ельцин в молодости, могу правду-матку в глаза врезать. А сейчас не приветствуется то, что было модным еще несколько лет назад. Помнишь всех этих бунтарей против номенклатуры и партократов? Языкастые такие, от трибун не оттащишь. И куда они все подевались? А сейчас только в мемуарах пишут, какие они раньше были смелые, отчаянные – не боялись ЦК, могли КГБ послать куда подальше. Борцы за справедливость! Ну да ладно, что это я разговорился, словно на предвыборном митинге. Как у тебя идут дела, какие проблемы?

– Да пока ничего, тьфу-тьфу, – Соколовский постучал рукой по деревянному столу. – С нашей жизнью поневоле станешь суеверным. Вроде пока все срастается, бизнес развивается – все путем. Я тут задумал прикупить спиртзавод, а то, понимаешь, торгую привозной водкой, а ведь можно и самим ее делать. Областной казне опять же будет прибыль от налогов.

– А что, уже назначили торги?

– Да, муниципалы. Городское Управление подготовило к продаже завод, ну ты знаешь, он в Сельмашевском поселке. А Фонд имущества через две недели проведет конкурс.

– Значит, будешь участвовать?

– Конечно, буду.

– Удачи тебе, Аркадий!

Медведев налил по рюмке армянского коньяка, и они выпили. Губернатор взял шоколадку, закусил. Потом вдруг спросил:

– А что бандиты, братки, не достают тебя? А то жалуются мне некоторые бизнесмены на криминальный беспредел, который мой предшественник не замечал. А может, и замечал, да закрывал глаза, имел свой интерес.

– Ничего, – помялся Соколовский, не зная, что можно рассказывать Медведеву и надо ли рассказывать вообще, – мы находим общий язык.

Он снял очки, нерешительно повертел их в пальцах.

– Значит, у тебя есть крыша? – не отставал губернатор.

– Да зачем тебе это, Леш? Ты же знаешь, что в наше время без крыши шагу ступить нельзя. Что говорить обо мне. Возьми Москву. Все крупные фирмы, заводы, банки – все под бандитами. Говорухин недавно снял фильм «Великая криминальная революция». Смотрел?

– Нет, не успел. А когда его показывали, по какой программе?

Соколовский иронично усмехнулся.

– Жди! Разбежались они показывать фильм сами про себя. Телевидение тоже под криминалом, вместе распиливают бабки от рекламы. Вот так и живем. Впрочем, я думаю, что большинство уже привыкло, даже находит такое положение удобным. По крайней мере, ты знаешь, что к тебе по пустякам всякая шпана не будет приставать, а если кто начнет права качать, сразу вызываешь крышу и проблемы улажены.

– А милиция? Почему не оказывает помощь? Знаешь, я недавно летал в Китай, там бизнесмены чувствуют себя спокойно, практически никакого рэкета нет.

– Так у них могут и того, голову отрубить за воровство, это же Азия. Мы – европейцы, у нас правосудие должно быть гуманным. И потом опять же, чья революция совершилась? Революция криминала, он пришел к власти. Посмотри вокруг, музыка в транспорте почти вся блатная. В магазине дисков среди бардов одни бывшие зеки. Самое главное, раньше блатные сидели где?

– Как где? В тюрьме.

– Вот-вот, за окнами с решетками и стальными дверьми с засовами. А теперь это в каждой квартире. Потому что после ГКЧП они вышли на свободу, а мы все сели вместо них. И продолжаем сидеть. Такая петрушка!

– Ну, ты, по-моему, стусил краски! – Медведев в сомнении покачал головой.

– Ничего, побудешь во власти, насмотришься, потом мы с тобой продолжим этот разговор.

Из динамика селектора послышался голос секретаря:

– Алексей Иванович, полномочный представитель президента просит вас в одиннадцать на совещание.

– Что за вопрос?

– Обсуждение хода приватизации федеральных объектов в области.

– Хорошо, буду!

Медведев беззлобно поругался.

– Черт, совсем времени нет, а тут еще тратить его на пустопорожнюю болтовню! Тем более слушать Дергачева, который говорит не лучше Черномырдина.

– Что, не ладишь с ним?

– Да, отношения, прямо скажу, не очень. Он хотел видеть в этом кресле своего человека, а я, Аркадий, получается, перешел дорогу. Вот оттого у нас с ним постоянные стычки. Ты же меня знаешь, я спуска не дам – кто на меня нападет, получит адекватный ответ.

– Смотри, Леша, настроит он на тебя кляузу в Кремль, приедет комиссия, могут отстранить от власти.

– Руки коротки. А насчет кляузы? Он только этим и занимается. Сам строчит, и весь его аппарат занят этой работой. Мне уже ребята из Администрации Президента звонили, удивляются такому графоманству. Ну, давай, как говорится, на дорожку, да буду готовиться к совещанию. Надо цифры посмотреть.

– Слушай, Алексей, – Соколовский искоса глянул на приятеля, – ежели что, помочь мне чем-нибудь сможешь? Я имею в виду конкурс. Там, насколько известно, серьезных соперников нет, но в последнюю минуту выскочит инкогнито из Петербурга, и кранты.

– А какая тебе помощь нужна? Думаю, ты сам со всеми справишься, вишь какой молодец! – Медведев дружески похлопал Соколовского по плечу. – Я вообще-то не люблю вмешиваться в эти дела, могут пойти слухи, что губернатор помогает своим, а это лишний козырь у Дергачева. Но тебе, Аркаша, помогу, чем смогу. Только учти, в рамках закона.

– Конечно, конечно! – пробормотал Соколовский. – Я в долгу не останусь.

Медведев поморщился.

– Никаких благодарностей, конвертов и кейсов. Я старых друзей не забываю. Для меня деньги – ничто, люди – все. Так, кажется, говаривал светлейший князь Потемкин.

Уральск, Комитет по Управлению имуществом Уральской области, кабинет председателя комитета Плотникова М. Я., 10 мая, 11:30

Через несколько дней после совещания у полномочного представителя Президента, на котором присутствовал губернатор, Плотников – председатель областного Комитета по Управлению имуществом, собрал свое, сугубо ведомственное совещание.

Совещались в узком составе. Присутствовало несколько председателей муниципальных и районных комитетов, поскольку им были делегированы права временного управления федеральным имуществом, и заместитель областного Фонда имущества Екатерина Красовская.

Михаил Яковлевич Плотников принадлежал к бывшей комсомольско-партийной касте. К сорока пяти годам он успел отрастить чиновничье брюшко и обрести лицо человека, крепко выпивающего: с нездоровым цветом кожи, крупными морщинами на лбу и обвислыми щеками.

Сегодня Плотников был в ударе. Он долго разбирался с причинами медленной подготовки объектов к приватизации, кричал на нерадивых, делал замечания, ставил на вид. Короче говоря, Плотников был в полном упоении от возможности саморазрядиться, которую изредка представлял скучный бюрократический процесс.

Иногда он поглядывал на Красовскую, формально не подчинявшуюся ему, но любимую бывать на таких совещаниях. Екатерина Евгеньевна в свои сорок лет выглядела эффектно. Она была брюнеткой с правильными чертами лица, хорошо сложенной, длинноногой, любительницей носить короткие обтягивающие юбки. Лицо этой опытной дамы совсем не портили очки, придававшие ей вид девочки-отличницы, попробовавшей запретный плод.

Плотникова с Екатериной Евгеньевной связывали непростые отношения – они были любовниками, причем инициатором здесь выступила сама Красовская. Она соблазнила его в этом же кабинете, где проходило совещание, и отдалась прямо на рабочем столе посреди бумаг и планов приватизации, подписанных самим Чубайсом. Застигнутый врасплох столь неожиданной инициативой чиновницы, Плотников не смог сразу переключиться на интим. Обнимая ей, целуя, занимаясь сексом, он продолжал громко высказываться о том, как лучше провести

приватизацию заводов Уральска, как больше заработать на этом. А Красовская только твердила в ответ: «Да, да, да!»

Со стороны казалось, что он вслух диктовал тезисы к выступлению на очередном производственном собрании, записывая их на диктофон, и секретарша, одиноко скучавшая в приемной, не смогла заподозрить шефа в непристойности.

Закончив совещание, Михаил Яковлевич отпустил подчиненных, попросив Красовскую остаться.

– Ну что, Катюш, пойдём в комнату отдыха? – ласково предложил он, когда все вышли.

Красовская невольно кинула взгляд за спину председателя, где в отделанной полированными древесными плитами стене едва виднелась дверь в кабинет, предназначенный для отдыха руководителя после утомительной работы. Там стояли кожаный диван с креслами, телевизор, в шкафу имелись чайный сервиз и хрустальные рюмки. Холодильник всегда был наполнен набором жаждоутоляющих напитков: минеральной водой, коньяком и водкой.

– погоди, Миша, – Красовская не торопилась устраиваться на кожаном диване, – с этим успеется. У нас недавно проводился конкурс по продаже трех магазинов. Представляешь, вскрываю один из конвертов с предложением участника, и, думаешь, что нахожу?

– Доллары? – брови Плотникова прыгнули вверх.

– Какие доллары? Вскрываю конверт, достаю бумагу, а там фига нарисована.

– То есть как фига? Кукиш, что ли?

– Какой-то юморист вместо того, чтобы предложить свою цену, нарисовал нам фигу, мол, не дождетесь. Представляешь? – Красовская изобразила возмущение, хотя на самом деле ей было смешно, и она с удовольствием рассказывала знакомым об этом курьезном случае.

Плотников нахмурился, собрав морщины на лбу.

– Провокация! Недобитые красные хотят дискредитировать идею приватизации. Об этом Анатолий Борисович еще в прошлом году говорил. Но мы не позволим! Ты милицию вызвала? Надо провести следствие, проверить по бумагам, кто подавал заявку. А потом этих деятелей хорошенько прижать, чтобы другим неповадно было.

Он коротко и энергично выругался матом.

– Ты думаешь, мы не посмотрели, от кого поступила заявка? – хмыкнула Красовская. – Сделали в первую очередь! Фирму никто не знает, хозяин неизвестен.

Она достала ментоловую сигарету, картинно закурила, отставляя локоть чуть в сторону. Плотников повел толстым носом, вдыхая аромат сигареты – сам он бросил курить почти два года назад, осведомился удивленно:

– А деньги он заплатил за участие в конкурсе? Разве не жалко выкидывать их на ветер?

– Ты будешь смеяться, но произошла техническая ошибка. Как мы уточнили, он денег не вносил, но был допущен.

Плотников задумался.

– Странный случай. Надо, пожалуй, подключить наш отдел безопасности, чтобы все проверили как следует. Думаю, здесь не обошлось без помощи со стороны твоих сотрудников. Я договарюсь с председателем Фонда, чтобы он разрешил моим людям поработать. Милицию вы не вызывали?

– Нет!

– Пожалуй, правильно сделали. По городу сразу пойдут слухи, насмешки, докатится еще до представителя президента Дергачева.

– Может, в ФСК сообщить? – предложила Красовская, чтобы показать свою озабоченность.

Михаил Яковлевич недовольно посмотрел на нее и поморщился.

– Московское начальство их не любит, – многозначительно пояснил он. – Когда создавали отделы безопасности в структурах Госкомимущества, чекисты хотели прикомандировать своих сотрудников. Анатолий Борисович выступил резко против, и теперь мы сами себе хозяева, без ненужных соглядатаев. Хотя меня они все же обхаживают.

– В каком смысле? Хотят вытащить информацию или, как сейчас пишут, сделать агентом?

– Ты, Катюшка, начиталась всякого литературного мусора. Нет, хотят пристроить у меня своего человека, но я сопротивляюсь. С другой стороны, может, лучше согласиться? Все-таки стукач будет на виду, под моим присмотром, а то вычислять, кто именно тебя закладывает, дело непростое, хлопотное. Однако заболтался я с тобой. Пойдем, что ли?

– Подожди еще немного. Хотела с тобой посоветоваться. У нас скоро новый конкурс, на продажу выставлен спиртзавод.

– Знаю, в Сельмашевском поселке. И что?

– На него есть хороший покупатель...

– Погоди, погоди!

Плотников приложил указательный палец к губам и показал Красовской на дальний угол большого кабинета, где стояло два стула, а между ними столик с графином воды, двумя стаканами. Екатерина Евгеньевна затушила сигарету, и они сели там, продолжая дальнейший разговор вполголоса.

Уральск, зал администрации Уральской области, конкурс по продаже объектов недвижимости, 25 мая, 10:00

Аркадий Соколовский подъехал к зданию администрации области на праворульной «Тойоте», которую недавно приобрел в Новосибирске на авторынке. Машина была уже не новой, модель устарела, но Аркадий не спешил приобретать новую, более представительную, как говорили с недавнего времени – навороченную. Выйдя из машины и здороваясь с многочисленными знакомыми, попадавшимися в коридорах административного здания, он неторопливо, как подобает важному бизнесмену, отправился в зал, где должен был проводиться аукцион по продаже спиртзавода.

Соколовский всегда удивлялся разнообразной суетливой деловитости, царящей в администрациях всех уровней. Множество служивых людей, чиновников высокого уровня, рядовых сотрудников всячески изображали непрерывный процесс государственного управления, по большей части не вникая и не занимаясь своим непосредственным делом. Каждый раз при виде них у Соколовского возникало странное ощущение, будто у всех чиновников извлекли блок с заложенной программой и вместо него вставили демоверсию. Если заплатишь – программа заработает, если нет – продолжишь пользоваться демоверсией, но ограниченный срок.

В малом зале администрации, в котором обычно областной Фонд имущества проводил конкурсы и аукционы, уже начал собираться народ, разнообразные участники, сотрудники фонда, просто любопытные. Зал был небольшим. Кресла цвета слоновой кости, которые некогда, в советские времена, смотрелись нарядно и солидно, были уже потертые в некоторых местах, отбита краска, красные дорожки на полу протерлись. Впрочем, участников было немного, поэтому никто в должной степени не оценил этот закат советского ампира.

Как стало известно Соколовскому, всего приняло участие в закрытом аукционе пять претендентов, включая его самого. Из них он знал трех предпринимателей, составлявших ему конкуренцию в бизнесе и, вполне естественно, выразивших желание участвовать в мероприятии, проводимом областными чиновниками. Четвертый участник аукциона был совершенно неизвестен Аркадию. Какая—то фирма «Омега Групп», фамилии директора и учредителей ни

о чем не говорили. Все они были из небольшого районного центра Краснокаменска, который в последнее время приобрел широкую известность в области криминальными разборками. Но эти люди, представители «Омега Групп», вроде были непричастны к криминалу. Во всяком случае никто не мог связать их фамилии с лидерами преступных группировок. Не было таких сведений и у Соколовского.

Он прошел в первые ряды, поздоровался со знакомыми бизнесменами—конкурентами.

Один из них, Юрий Геннадьевич Веселов, мужчина небольшого роста, с бритой лысой головой и подвижным лицом, небрежно развалился, положив руку на спинку соседнего кресла, где сидела его секретарь. Казалось, он обнимает молодую девушку и интимно ей шепчет скабрёзные анекдоты. Он приветливо махнул рукой Соколовскому и тут же потерял к нему интерес.

Два других конкурента – мелкие предприниматели, недавно разбогатевшие на операциях с приватизационными чеками, совсем не интересовали Соколовского.

Гораздо большее любопытство вызывали молодые люди из «Омеги». Их было двое. Оба парня сидели в строгих двубортных костюмах, белых рубашках и дорогих галстуках. Первый, который оказался ближе к краю, положил на соседнее кресло черную кожаную папку и сверху небольшой пейджер. Увидев Соколовского, молодой человек вежливо поздоровался: «Добрый день, Аркадий Львович!»

Аркадий Львович удивленно кивнул в ответ и, отыскав удобное место, неторопливо опустился в кресло.

За столом президиума уже появились сотрудники Фонда имущества. Мужчина с молодым лицом и уже седыми висками раскладывал бумаги на столе. Рядом с ним яркая блондинка невысокого роста в деловом костюме извлекала из картонной папки бланки протоколов, в которые должны быть записаны результаты тендера. Аркадий знал, что девушка – начальник отдела Ирэна Истомина, фактически правая рука Екатерины Красовской. Несмотря на приближающееся тридцатилетие, она была еще не замужем и многие мужчины, в том числе Соколовский, подавая заявки на участие в конкурсе или аукционе, всегда осыпали ее комплиментами, дарили конфеты и шоколадки. Аркадий даже приглашал ее в ресторан, но Истомина отказалась, сославшись на занятость.

Ждали Красовскую. Она задерживалась и в зале раздавался нестройный гул голосов. Молодые незнакомцы – участники аукциона, на которых искоса поглядывал Соколовский, – негромко переговаривались друг с другом, вели себя абсолютно спокойно и, казалось, не обращали никакого внимания на окружающих. Такая самоуверенность выглядела подозрительно, отчего у Соколовского возникло ощущение, что их показное спокойствие основывалось неизвестных ему обстоятельствах. Например, на знании пока не объявленных результатов аукциона.

Он еще раз поглядел на молодых людей, вальяжно расположившихся в креслах. Словно почувствовав его взгляд, сидевший с краю, тот, что поздоровался с Соколовским, повернул голову и глянул на Аркадия. Глаза представителя «Омеги» смотрели настороженно, с вызовом, но это было лишь мгновение, потом он, словно вспомнив о чем-то, приятно улыбнулся и сообщил:

– Аркадий Львович, мы незнакомы. Вот моя визитка!

«Денис Белоглазов. Начальник юридического отдела компании «Омега Групп», – прочитал Соколовский. Адрес, телефон – все зарегистрировано в г. Уральске.

– А кто учредитель? – полюбопытствовал он.

– Это физические лица, – все так же небрежно улыбаясь, пояснил Белоглазов. – Их фамилии вам вряд ли о чем-то скажут. Они не из Уральска.

Кивнув головой, Соколовский показал, что принял информацию к сведению, и посмотрел в президиум. В это время открылась боковая дверь, быстро шагая, в зал вошла Красовская.

Она немного нервно, напряженно оглядела зал, поздоровалась с несколькими знакомыми и особо внимательно посмотрела на представителей «Омега Групп». От Соколовского не укрылось ее внимание.

«Так! – произнесла Красовская, поправляя прическу. – Я извиняюсь за опоздание, была на совещании у полномочного представителя президента. Господа, начнем проведение закрытого аукциона. Ирэна Владимировна, – обратилась она к своей помощнице, – где документы?»

«Возьмите, Екатерина Евгеньевна», – Истомина передала несколько бумаг и конвертов.

«Я думаю, – продолжила уверенным тоном Красовская, – что процедура проведения закрытого аукциона всем известна, она четко прописана во временных правилах, и не стоит тратить время на ее озвучивание. Все согласны?»

Люди в зале промолчали, показав, что изучать порядок проведения аукционов им действительно не хотелось.

«Итак, – громко произнесла Красовская, надев очки, – проводится закрытый тендер по продаже спиртового завода, о котором, в соответствии с законом, было объявлено за три недели в областных средствах массовой информации».

Она назвала параметры продажи, давно известные всем сидящим в зале, огласила список пожелавших участвовать. Наконец, приступила к вскрытию опечатанных конвертов.

«Посмотрим, – заметила она, аккуратно отрезая ножницами краешек первого конверта, – что нам предложит первый участник... Это господин Юрий Геннадьевич Веселов. Он дает за спиртовой завод 30 миллионов рублей. Ирэна Владимировна, занесите результаты в протокол».

Листок с заявкой Веселова Красовская передала другому сотруднику фонда с седыми висками, скромно сидевшему справа. Затем она вскрыла конверты двух других предпринимателей и озвучила суммы, которые оказались значительно меньше, чем у Веселова.

Соколовский с любопытством ожидал, когда огласят его предложение и предложение «Омега Групп».

«А сейчас предложение Аркадия Львовича, – сообщила, чуть улыбнувшись, Красовская и взяла следующий конверт. – Итак, господин Соколовский предложил сорок один миллион рублей. Ставки растут, ставки растут!»

Как и предыдущие заявки, Екатерина Евгеньевна эту тоже передала своему сотруднику.

«И последнее предложение на сегодня. Товарищество с ограниченной ответственностью «Омега Групп» нам предлагает... – она выдержала паузу, интригуя поглядывая в зал, зашуршала разворачиваемая ею бумага. – Эта компания нам предлагает сорок два миллиона рублей. Что же, победителем закрытого тендера объявляется «Омега Групп». Представителей компании прошу остаться после торгов, чтобы мы договорились о сроках перечисления всей суммы в бюджет».

Услышав последние слова Красовской, Аркадий Львович ощутил огромное разочарование. Все это: торги, которые внезапно превратились из конкурса в аукцион, раскованное поведение молодых и напористых ребят из «Омега Групп», показная деловитость Красовской – все показалось ему невероятно подозрительным. Он не верил, что его неизвестные конкуренты могли так точно угадать сумму, которую он предложил за завод. Его грубо и нагло кинули. Им, конечно, кто-то сообщил. Только кто?

Ему стало душно, захотелось на улицу.

– Что, Аркаша, пролетел? – довольно хохотнул проходящий мимо Веселов.

– Не говори! – мрачно процедил Соколовский.

– Что это за молодцы, такие лихие? – прищурился Веселов, отчего его толстое лицо сделалось похожим на печеное яблоко. – Интересно было бы узнать. А может, ты знаешь? Ну, колись!

– Нет, Юра, пока не знаю. Но узнаю! – бросил он с угрозой в голосе.

– Потом поделишься тайной? Меня разбирает бабское любопытство.

Веселов кивнул на прощанье и пошел к поджидавшей неподалеку секретарше. Выйдя за ним следом в коридор, Соколовский подошел к дежурной, сидевшей за небольшим столиком. Возле нее стоял телефон. Аркадий Львович поднял трубку и набрал номер приемной губернатора Медведева.

– Это Аркадий Львович Соколовский, – представился он. – Запишите меня на прием.

Уральск, УФСК по Уральской области, кабинет подполковника Усольцева Л. П., 27 мая, 09:50

Усольцев, в который раз просматривал папки дела, связанного с Забелиным и Цыганковым. Материалы наружного наблюдения и прослушивания телефонных переговоров были подшиты в двух разных папках, листы пронумерованы.

Он внимательно изучил каждую букву этих документов, поднял и проверил все связи, о которых упоминали оперработники, установил номера телефонов, по которым они звонили, однако итоговых результатов не было. Не с чем было идти к полковнику Кислицыну, не о чем докладывать.

Самое большее, в чем можно обвинить сотрудников отдела Шумилова – это в ведении неслужебных разговоров по телефону, только многие оперативники грешили этим, в том числе и сам Усольцев. Требовалось найти более серьезные проступки, более весомые или закрывать проверку. Но заканчивать проверку Усольцеву не хотелось. Проверка – это серьезный шанс прижать хвост Шумилову, показать этому всезнайке, этому высокомерному субъекту, который так носится со своей порядочностью, где его настоящее место.

Усольцев задумчиво барабанил пальцами по картонной обложке дела, в котором были подшиты листы с расшифровками телефонных разговоров. Он снял трубку и вызвал к себе в кабинет капитана Иванова, одного из подчиненных, которого частично посвятил в план проверки. Иванов был молодым, подающим надежды оперативником, но не по годам серьезным, уже имеющим опыт в подобных разбирательствах.

– Миша, – спросил Усольцев, – ты уточнил имущество, принадлежащее Забелину и Цыганкову? Что у них есть, так сказать, за душой?

– Ничего особенного, товарищ подполковник, – Иванов заглянул в блокнот, где делал записи. – Оба живут в неприватизированных квартирах. У Забелина есть машина – ВАЗ—2106.

– Новая? – заинтересовался Усольцев.

– Нет, пять лет в эксплуатации. Машина приобретена в советское время по очереди в нашем Управлении.

– Что еще?

– У Цыганкова имеется металлический гараж без машины. Крупных покупок в последнее время ими не делалось. По месту жительства оба ведут себя тихо, ничем не выделяются.

– Да, ситуация! – недовольно засопел Усольцев. – Вот начальство, понимаешь, ставит задачи, как в сказке: «Иди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю, что». А нам выполнять!

– Об этом еще Мюллер говорил Айсману.

– Любишь «Семнадцать мгновений весны»? – удивился Усольцев, которому в глубине души польстило, что его сравнили с Мюллером.

– Смотрю периодически. В газетах писали, что этот фильм нравился Андропову.

– Да, я тоже читал об этом. Есть соображения, в каком направлении двигаться дальше?

– Может, подвести агентуру? – после минутного раздумья предложил Иванов.

В ответ Усольцев отрицательно покачал головой.

– Это оперативники, а не простые объекты. Вряд ли они будут делиться с посторонними. Если кто-то из них и слил информацию бандюкам, то самое реальное – установить их связь с ними по телефону или при личном контакте.

– Но мы наблюдаем за ними уже несколько дней, и ничего подозрительного.

– Значит, плохо наблюдаете, – раздраженно бросил Усольцев. – Не забывай, Миша, что это опера со стажем. Впрочем, мы можем разыграть оперативную комбинацию...

Усольцев заходил по кабинету, заложив руки за спину, поскольку так лучше думалось. Мысль, пришедшая к нему в голову, предполагала организацию действий, которые вполне укладывались в концепцию проверки.

– Ну что, Михаил Евгеньевич, – продолжил он, весело улыбнувшись широким лицом, – разработка оперативной комбинации за тобой. Подготовишь план, определишься с силами и средствами. Я доложу Кислицыну и особо отмечу твое участие. Так что, думаю, без поощрения не останешься.

– А в чем заключается замысел комбинации? – озадаченно поинтересовался Иванов, которому показалось, что часть разговора он упустил, задумавшись о чем-то своем.

Усольцев хитро взглянул на него, но с ответом не торопился. На столе зазвонил телефон прямой связи с Кислицыным.

– Да. Есть! – коротко ответил Усольцев. Он положил трубку и сообщил Иванову: – К начальству вызывают. Сиди здесь и жди, когда вернусь, обсоем наш план. Есть у меня, понимаешь, задумка подставить нашим операм агентуру из уголовников. Выдадим их за сбытчиков стволов, торговцев оружием.

– Под чужим флагом? – уточнил Иванов. – А зачем?

– А затем, друг ситный, если Цыганков или Забелин связаны с криминалом, то на нашу подставу будет совершен налет теми бандами, которым оружие нужно до зарезу. Так мы узнаем, что информация ушла.

– Но агентуру ликвидируют во время налета, – засомневался Иванов. – Начнется расследование, и нам настучат по голове за такую инициативу.

– Ну-ну, мы тоже не лыком шиты. Чтобы не получить по шапке, устроим засаду и захватим нападающих. Так все яйца будут в одной корзине. Смотри, мы задержим бандитов – раз, выведем на чистую воду кого-то из наших – два. Классически используем агентуру – три. Возможно, нашу операцию еще будут изучать, попадем в учебники...

Усольцев самодовольно улыбался, а Иванов скептически глянул на окрыленного своими планами начальника, но промолчал.

– И сконцентрироваться, я полагаю, надо на Цыганкове, он вероятная наша цель! – продолжил между тем подполковник.

– В ваших словах есть логика, – согласился Иванов.

Усольцев подмигнул ему:

– В словах начальства всегда есть логика!

Он взял дела с подшитыми оперативными материалами по Забелину и Цыганкову и в хорошем настроении отправился на доклад к Кислицыну.

Уральск, Администрация Уральской области, кабинет главы администрации Медведева А. И., 30 мая, 11:00

Начальник Управления ФСК России по Уральской области генерал-майор Алексеев приехал в здание областной администрации по просьбе губернатора к одиннадцати часам дня. С прежним главой администрации Бузниковым отношения у него не заладились из-за коррупционного скандала, разразившегося благодаря вмешательству Алексеева.

Дело в том, что по сообщению оперативных источников, некоторое число областных чиновников вместе с Бузниковым покупали в филиале «Мега-банка» доллары, но не просто покупали, а по индивидуальному курсу, который им лично установила управляющая филиалом госпожа Егорова. Подлинники заявлений чиновников на обмен валюты управляющая прятала в личном сейфе, чтобы можно было ими воспользоваться при случае. Было также известно, что именно она организовала узкому кругу приближенных Бузникова поездку в Австрию и Италию вместе с женами за счет банка, якобы на банковский семинар.

Генерал видел программу поездки, рассчитанной на три дня. Программа была разнообразной: от слушания лекций об особенностях банковской системы в Австрии до катания на гондолах по ночной Венеции.

Конечно, в свете необузданного передела собственности, многочисленных мошеннических схем, обмана, заказных убийств и прочих безобразий путешествие чиновного люда за счет коммерческого банка выглядело довольно безобидно и невинно. Допустим, поехали, чтобы расширить кругозор, получить новые сведения о банковском деле. Так-то оно так! Но со стороны все это дурно пахло, и этот неприятный запах для обманутого, недовольного населения мог явиться сильным раздражающим фактором.

О том, что чекисты имеют на него большой зуб, губернатор своевременно узнал от заместителя Алексеева полковника Кислицына, с которым вместе ездил на охоту.

Тогда начались подковерные игры. Алексей поручил оперативникам Шумилова достать расписки чиновников областной администрации. В свою очередь, Бузников позвонил Егоровой и потребовал вернуть все компрометирующие бумаги. Та пообещала, но прежде созвонилась с полномочным представителем Президента России по Уральской области господином Шарыгиным и рассказала обо всем.

В результате подлинники получил Шарыгин, а в Управление ФСК попали только ксерокопии расписок. Алексей, в связи с этим, устроил разнос Шумилову присутствию Кислицына, который с деланно безразличным видом что-то рисовал в своем блокноте.

Однако больше всех, как ни удивительно, пострадал в этой ситуации безвинный Шарыгин. Желавший показать себя активным борцом с коррупцией, поскольку еще свежи были в памяти митинговые страсти девяносто первого года, господин Шарыгин собрал документы и полетел в Москву, в Администрацию президента, сделать слив компромата. Увы, на дворе было другое время, дули другие ветры. Вместо губернатора сняли самого Шарыгина, и представителем президента в Уральске поставили бывшего учителя истории демократа Дергачева.

Но коррупционный скандал все-таки выстрелил на выборах. Эта неприглядная история во время избирательной кампании вдруг выплыла наружу в газетах и листовках оппозиции, и население отказало Бузникову в доверии. Финал хоть и закономерный, но не типичный.

Новый глава области Медведев Алексею импонировал. Это был достаточно самостоятельный человек, не зависящий от мнения разных политических сил и пользующийся безусловной поддержкой простого населения. Алексей знал, что Медведев не был замешан в незаконных сделках с недвижимостью, как Бузников, или замаран связями с криминалом.

При появлении в кабинете генерала ФСК Медведев тяжело поднялся с места, крепко пожал ему руку, а потом по селектору вызвал секретаря и попросил принести две чашки чая. Алексей положил перед собой папку с документами. По комплекции он был под стать губернатору: плотный, ширококостный, высокого роста. Серые его глаза изучающе смотрели на собеседника, а сильный волевой рот казался всегда плотно сжатым.

Медведев начал разговор сразу, без долгих предисловий, его басовитый голос растекался по кабинету.

– Владимир Георгиевич, ваше ведомство отслеживает ход приватизации? Я имею в виду возможное мошенничество, воровство и другие нехорошие вещи. Меня, конечно, в первую

очередь интересует наша область. Дело в том, что сейчас выставляются на продажу крупные предприятия, заводы, на которых работают люди, много людей, и если мы отдадим их судьбу в руки сомнительных типов, жуликов, то завтра они все окажутся за воротами собственных заводов. А эти заводы, созданные руками всего народа, будут просто-напросто распроданы по частям под склады и офисы. Вы понимаете, какое недовольство и возмущение ждет нас, если мы не предпримем строгих мер контроля?

– Алексей Иванович, то, что выговорите, совершенно справедливо. Мы пытаемся держать этот процесс под контролем, – ответил Алексеев, выдерживая прямой взгляд губернатора, – но и мы не всеильны, особенно если учесть, что некоторые лица федерального уровня вставляют палки в колеса.

– Вы имеете в виду Дергачева? – Медведев отвел свой взгляд от генерала. – Но он вроде далек от процесса приватизации, занимается только общим контролем. Вот Плотников, тот руководит всем этим безобразием как председатель комитета.

– Есть и другие лица, – уклончиво сообщил Алексеев, и губернатор подумал, что генерал ФСК не будет с ним до конца откровенным. Глава области, конечно, не знал, что несколькими месяцами ранее, в начале февраля, Алексеева вызывали в Москву на аттестационную комиссию, которую после упразднения Министерства безопасности в декабре 1993 года создали при Ельцине либеральные демократы.

Эти молодые и старые представители либералов, многие из которых стали таковыми после свержения ГКЧП, заслушивали бывших генералов МБ и решали, кого оставить служить, а кого уволить по сокращению. Они задавали каверзные вопросы, прощупывали политическое нутро каждого, его лояльность действующей власти, преданность Ельцину. Они упивались этой сиюминутной властью, возможностью вершить судьбу некогда могущественных людей, еще недавно вызывавших у них страх и трепет.

После аттестации Алексеев стал предельно осторожен. Какая будет польза для дела, если его снимут с должности из-за доноса наверх очередного местного демократа? Нет, предстояло сберечь не только себя, за себя он не боялся, главным было Управление и люди, работавшие в нем. Губернатора он понимал, его обеспокоенность за приватизацию, за людей. Медведев, возможно, честный человек, но не до конца постиг какие угрозы для него могут нести аппаратные игры, подковерные интриги, неожиданные подставы со стороны близких людей.

– Алексей Иванович, – сказал генерал после некоторой паузы, – наша служба стоит на страже интересов личности, общества и государства, и мы сделаем все, чтобы не допустить нарушений, чтобы никто не смог выйти за пределы конституционного поля. Такова установка президента и нашего нового директора службы.

В ответ Медведев недовольно прищурился:

– Знаете, я не люблю ставшую в последнее время модной эту словесную триаду: личность, общество, государство. Вычленив эти понятия из общего контекста государственности, мы противопоставляем общество государству, а личность – обществу, словно это не личности, а некие марсиане прилетели и создали нам государство. Это искусственная конструкция, перенятая от Запада. Она отдает анархизмом.

– Простите, Алексей Иванович, – генерал решил не вдаваться в теоретический спор и вернулся к началу разговора, – у вас есть конкретная информация о нарушениях в приватизации?

– До меня дошли сведения о недавнем аукционе по продаже спиртового завода, – Медведев вопросительно посмотрел на генерала. – Вам что-нибудь известно?

– Нет, информации на этот счет мы не имеем.

– Так вот, закрытый тендер проводила Красовская, она заместитель председателя областного Фонда имущества. Некоторым бизнесменам показалось, что она, скажем так, подыграла одному из участников торгов, некоей фирме «Омега Групп». Что за фирма, кто за ней стоит –

совершенно неизвестно. Какая-то темная лошадка! Они и выиграли тендер. Я думаю, тут имел место сговор, и было бы неплохо, если бы ваша служба это проверила, так сказать, неофициально, как вы умеете.

– Понимаю, – медленно произнес Алексеев, – но все-таки точных данных у вас нет?

– Нет! – пожал плечами Медведев, – одни догадки. Знаете, мне кажется странным, что сумма, предложенная этой компанией, ненамного превышает цену, названную другим бизнесменом – Аркадием Соколовским. Я его давно знаю и, поймите меня правильно, не лоббирую его интересы, но все же...

– Добро, Алексей Иванович! Мы проверим как проводился последний аукцион, – сообщил генерал. – Если вскроются нарушения, будем действовать в правовом поле, законным путем, с возбуждением уголовного дела.

– Конечно, конечно! – согласился Медведев. – Я не сторонник прикрывать взяточников, главное, навести порядок.

После этого собеседники заговорили на другие темы. Алексеев сообщил о мероприятиях, проводимых его Управлением в сфере обеспечения безопасности, а Медведев рассказал о доставшемся после прежнего губернатора Бузникова упадочном областном хозяйстве. Они встречались уже не первый раз и с каждой встречей чувствовали друг к другу все большее расположение. Наверное, так проникаются симпатией люди, пережившие общую беду, к примеру, путешественники, плывущие на одном корабле и застигнутые штормом. Они оба были людьми ответственными, болеющими за дело, настоящими мужиками, на которых можно положиться. По этим или другим причинам, но они нравились друг другу.

– Владимир Георгиевич, – сказал в заключение, улыбнувшись, Медведев, – у меня тут намечается небольшое семейное торжество – день рождения жены. Если будете свободны в субботу, то приходите с супругой, посидим в неофициальной, так сказать, обстановке, поговорим.

– Спасибо за приглашение, Алексей Иванович, мы будем! – кивнул головой генерал.

Расстались они довольные друг другом. Алексеев немедленно поехал в Управление и, не откладывая, вызвал к себе Шумилова. Губернатор был абсолютно прав, следовало более внимательно отнестись к работе контрразведчиков в сфере приватизации.

Когда Шумилов появился в генеральском кабинете, Алексеев дал ему указание: «Передайте Забелину, пусть немедленно займется последним аукционом по продаже спиртового завода. Есть информация, что там дело нечисто».

Уральск, бар «Джон Сильвер», 31 мая, 20:30

К бару «Джон Сильвер», расположенному в центре города, поздним вечером подъехала белая вазовская «Шестерка», из которой вышли Цыганков и Забелин. По вечерам на Урале было еще прохладно, и они надели тяжелые кожаные куртки, джинсы, на ноги теплые ботинки.

Вывеска над баром горела красным неоновым светом, внося тревожащий отсвет в сумрак наступающей ночи. До встречи, на которую они приехали, еще оставалось время, и Цыганков закурил. Свет зажигалки на мгновение осветил его смуглое лицо.

– Серега, зачем тебя Шумилов вчера искал? – поинтересовался он, пуская струю синего дыма в быстро холодеющую тьму.

– Информацию надо проверить по одному аукциону. Срочно. Его проводили на той неделе и якобы результаты подтасовали. Но я сразу сказал Шумилову, что такой информации у меня полно, после каждого аукциона получаю сигнал на Красовскую. Только зацепить пока не могу.

– Понятно! А для чего тебя Шумилов отправил со мной? Эта Виккерс не опасна, зачем мне прикрытие?

Цыганков говорил о предстоящей встрече с той самой бизнесвумен, которая подала заявление о вымогательстве в начале мая.

– Так, на всякий случай! – усмехнулся Забелин. – Слышал, как Кислицын разговаривал, когда мы лажанулись с задержанием? Лишние проблемы нам не нужны. К тому же твоя Рита не такая уж и овечка, помнится, ты говорил, что она связана с динамовцами.

– Источник сообщил, он у меня из воров, проходит под псевдонимом «Горбушка».

– Сам придумал?

– А то! У него череп лысый, вот я и решил, что такое погоняло будет в самый раз.

Цыганков шелкнул пальцами, и недокуренный бычок, прочерчивая едва тлеющим огнем пологую траекторию, скрылся в темноте. Забелин, чувствуя вязкую сырость холодного вечера, сунул руки в карманы куртки, поинтересовался:

– Твой Горбушка не сказал часом, почему динамовцы решили прикрыться нами, а не вызывать Матвея на стрелку?

Забелин всерьез интересовал этот вопрос; ему казалось, что здесь скрыта какая-то тайна, специальный умысел, призванный подставить оперативников ФСК.

– Не, не сказал! Боятся, я думаю. За Матвеем длинный шлейф тянется всяких дел, крови много... Маргариты не было в городе пару недель после нашего прокола. Сейчас приехала из Италии, и я сразу вытащил ее на встречу.

Глянув на часы, Цыганков бросил:

– Пора! Короче, ты иди к бару, возьми коктейль и оставайся там как Шарапов из «Места встречи...». А я за столик, так, чтобы контролировать вход. Да и тебя будет видно.

– А ты Глеб Жеглов, что ли?

– Думаешь, не похож? – Цыганков весело подмигнул и пошел в бар.

Забелин сначала понаблюдал за ним через стекло с улицы, а потом и сам пошел следом. Он устроился на высоком стуле у барной стойки, принялся медленно потягивать фирменный коктейль «Долина Бекаа», обладающий кисловато-сладким привкусом и запахом пряных трав. Он изображал из себя одинокого бездельника, не знающего, чем занять время. Никто его не интересовал: ни девицы легкого поведения, шляющиеся вокруг, ни мальчишки-геи. Глядя на последних, он с иронией подумал: «Как все изменилось! К Шарапову геи не приставали».

Заметив, что Забелин отверг все возможности для развлечения на вечер, молоденькая барменша – симпатичная брюнетка с голубыми глазками, начала поглядывать в его сторону. Она, вероятно, представила, что этот молодой человек, по виду бизнесмен, ищет нечто особое.

Увлечшись то ли своими мыслями, то ли наблюдением за окружающими, момент появления Маргариты Виккерс в баре Забелин пропустил. Сам он заявительницу до этого не видел – с ней работали Шумилов и Цыганков, поэтому, когда Цыганков поднялся и галантно предложил стул подошедшей к нему молодой женщине, Сергей понял, что это и есть та самая Маргарита.

У нее был тот переходный возраст, при котором девушку под тридцать уже можно называть молодой женщиной. Лицо в это время теряет шарм беззаботной юности, а его место занимает опыт взрослой жизни с неудачными романами и обманутыми ожиданиями, опыт, накладывающий свой отпечаток на лицо, фигуру, манеру держаться в обществе.

Собеседница Цыганкова была привлекательной. Она имела правильные черты лица, большие карие глаза и пышные рыжие волосы, которые падали на плечи, отливая шелковистым блеском. На встречу с Цыганковым она оделась по-деловому – была в джинсах и скромной блузке, на руке сверкали золотые часики. Чувствовалось, что Виккерс деловито и инициативно умеет решать дела, никогда не теряет времени попусту.

– Итак, Санек, – сказала Маргарита Цыганкову, бросая пачку сигарет на столик и закуривая, – насколько я понимаю, вы облажались. Такая крутая контора³, и вся в дерьме. Хорошо

еще в городе никто ничего не знает. Все думают, что я заплатила реальные бабки за новую крышу и ушла от динамовцев. Но уговор-то наш был совсем другим, не правда ли, Саня?

Маргарита выпустила струю дыма и жестом подозвала официанта:

– Дай что-нибудь, что сносно готовят в вашей забегаловке. Только смотри, туфту не неси, выкину со стола, потом будешь с полу подбирать!

Цыганкову было неловко оправдываться перед молодой женщиной.

– Случай, Рит, накладка вышла. Такое бывает в нашем деле, когда планируешь одно, а потом раз, и «листья клена падают с ясеня». Короче, ты права, мы лажанулись, наша вина!

– Самое главное, вопрос не решен, – разочарованно покачала головой Виккерс. – Эти козлы в следующем месяце ко мне снова заявятся. Все бы ничего, да клиентов распугают своим дебильным видом.

– Рит, а ты знала, что это люди Матвея?

– Не знаю я никакого Матвея. Здесь, в городе, сельмашевцы да динамовцы все поделили, ну есть Ваха с чеченцами. Что, еще кто-то пожаловал?

– Есть такой бандит из авторитетных. Недавно с зоны откинулся. Хочет подгрести под себя то, что плохо лежит.

– В таком случае город в ближайшее время получит маленькую войну, – обеспокоенно заметила Виккерс, – а нам это совсем ни к чему.

– Риточка, тебя мы в обиду не дадим!

– Ну-ну, – холодно улыбнулась Виккерс, прищурив глаза, обрамленные длинными ресницами, – уже дали. От вас пользы как от козла молока, надо было к ментам идти.

– Ну, и пошла бы! – обиженно заметил Цыганков.

– Да, пошла бы, если бы не знала, что меня там могут сдать этим же бандюкам.

Маргарита замолкла. К столику подошел официант, начал расставлять блюда. Когда он отошел, бизнесменша продолжила:

– Что теперь? Как в следующий раз будете решать проблему? Честно говоря, давать бабки этим уродам не хочется. Сейчас большие расходы: надо платить за отвод земли, за проекты, составлять смету. Так что думайте, как меня отмазать.

– Что-нибудь придумаем, – ободряюще заметил Цыганков, принимаясь за еду. – Знаешь, может, тебе на всякий случай охрану выделить?

– Ты серьезно? Нет, охрана мне сейчас не нужна. Попробую сама договориться через знакомых.

– Через динамовцев, что ли?

– Какая разница, мне пофигу!

Маргарита лениво потыкала вилкой в принесенный мясной салат. Было видно, что есть ей не хочется, что она о чем-то напряженно раздумывает. Цыганков в свою очередь решил, что предложение об охране все-таки ее заинтересовало.

– Нет, охрана мне сейчас не нужна, – словно прочитав его мысли, констатировала Виккерс и игриво добавила: – А если бы я согласилась, кого бы выделили, надеюсь, молодого и симпатичного?

– А я не гожусь? – засмеялся Цыганков. – Мужчина в самом расцвете сил, без вредных привычек. Как говорил Бельмондо в фильме «Чудовище»: «У меня взгляд орла, а тело барса, я им владею в совершенстве».

Маргарита оценивающе на него посмотрела:

– Да вроде ничего. Только ты наверняка женат, хоть и не носишь кольцо на пальце. И потом, у вас в конторе все такие правильные, положительные, дисциплинированные.

– Скучные, что ли?

– Типа того.

– Ну, это ко мне не относится.

– Серьезно? А ты особенный что ли? Не вешай мне лапшу, особенных у вас не держат! Это у ментов веселых раздолбаев дофига, они там почти все отвязные, но у вас вряд ли.

Цыганков с усмешкой заметил:

– Тебе, Марго, палец в рот не клади, оттяпаешь всю руку.

– А мы нынче все такие, выращенные в кооперативной заводи маленькие пираньи капитализма. Не будешь огрызаться, сожрут и не вспомнят, как звали. Официант, – позвала она, – принеси кофе с коньяком!

Забелин у стойки бара заказал уже четвертый стакан коктейля. Молодая девушка-бармен, на груди у которой висел бейджик с надписью: «Полина», спросила, подавая коктейль:

– Еще будете заказывать?

– Если только танец с вами, – пошутил Забелин, решив, что вид флиртующего у стойки бездельника ему подойдет лучше, чем человека, глупо пляшущего по сторонам.

– Я сейчас не могу, – улыбнулась девушка. – Только после смены.

– Ну, Поля, после смены, это долго, – так же улыбнулся в ответ Забелин.

Цыганков между тем попивал свой кофе и внимательно смотрел на Виккерс.

– Значит, Матвея не знаешь? – допытывался он, вернувшись к началу разговора.

– Кажется, я уже ответила на твой вопрос. Саша, к чему эти повторы? Ты мне не веришь?

Ее большие глаза смотрели без фальши, абсолютно честно и правдиво, даже с возмущением. Цыганков по опыту общения с женской половиной человечества прекрасно знал, что женщины могут великолепно притворяться, значительно лучше, чем мужчины.

– Как не верить? Конечно, верю! – доверительным тоном произнес он, невольно подыгрывая.

Виккерс, конечно, все знала. «Наверняка договорилась с динамовцами заранее, – размышлял Цыганков, – устроили спектакль с непонятками. Типа Матвея они не знают, я не я, и лошадь не моя. Все-то ты знаешь, дорогая Марго!»

Сам он лично знал некоторых лидеров этой преступной группировки.

Два года назад, когда криминальные бригады начинали в кровавых разборках делить город, в конторе было принято решение поддержать одну из бригад. В ней верховодили Боец, он же Костя Брагин, и Дранный – Леха Неупокоев. Оперативники хотели их руками уничтожить бандитскую вольницу, а самих если не приручить, то хотя бы сделать предсказуемыми людьми, теми, с кем можно договариваться.

В эти горячие дни Цыганков несколько раз ходил на встречу то с одним, то с другим бандитским авторитетом, получал нужную информацию, а в ответ сообщал о намерениях других группировок. Это помогало руководителям динамовцев принимать верные решения, и дела у них круто пошли в гору. Вскоре мелкие бригады оказались рассеяны или вошли в состав этой внезапно набиравшей силу ОПГ⁴. Большая часть Уральска перешла под их контроль.

Потом Цыганкова послали на курсы повышения квалификации в Москву, и уже там он узнал, что Дранный был убит автоматной очередью у себя во дворе дома, где проживал. На Бойца тоже было совершено покушение – бросили гранату в его автомобиль, но тот выжил. Сразу стало известно, что нападение совершили бандиты из сельмашевской, конкурирующей группировки, и война вспыхнула с новой силой.

Много полегло «пехоты» с той и другой стороны, много выросло могил на центральной аллее главного городского кладбища, словно пацаны уехали воевать в горячую точку на другой стороне планеты, и все полегли в боях за Родину. Но на самом деле они погибли не за свою страну. Эти молодые здоровые парни, которые могли иметь работу, семью, могли с пользой прожить свою единственную и прекрасную жизнь, были безжалостно вычеркнуты из списка живущих по воле тех грандиозных событий, которые назывались «Великий передел собствен-

ности». Точно так же, как были вычеркнуты тысячи их предшественников в 1917 году из-за тех же самых событий, только тогда они назывались Гражданской войной.

Вернувшись в Уральск, Цыганков, конечно, встретился с Бойцом, но прежнего понимания и желания сотрудничать не нашел. Боец был озлоблен, решил, что его сдали сельмашевским, и Александру стоило больших усилий убедить его, что контора тут ни при чем. Но он чувствовал, что Брагин так до конца ему не поверил.

Между тем, сообразив, что Виккерс могла прийти на встречу не одна, Цыганков украдкой осмотрел помещение бара. Среди прочей публики он заметил в углу двух сидящих подозрительных типов в черных кожаных куртках, из-под которых виднелись спортивные костюмы. Оба были бритоголовыми, с массивными борцовскими затылками. Как и Забелин у стойки, они нарочито делали вид, что культурно отдыхают, пьют пиво и увлеченно обсуждают прошедший футбольный матч.

Поймав взгляд Сергея, Цыганков глазами показал на сидящих в углу. Маргарита в это время повернулась к зеркалу, висевшему на стене напротив столика, начала аккуратно поправлять прическу.

– Ну, что мне с вами делать? – снова повернулась она к Цыганкову. – Договариваться через братков? Или как?

– Марго, мы все обдумаем, и я тебе сообщу. Торопиться не будем.

– Окей, Саша, тогда мне пора. Провожать не надо.

Когда Маргарита проходила мимо Забелина, на него пахло тонким ароматом французских духов. На мгновение они встретились взглядами, как встречаются случайные прохожие, через секунду забывая об увиденном человеке. Впрочем, Забелин тут же пожалел об этом – с объектом наблюдения нельзя встречаться глазами – таковы неписанные правила слежки. Минуту спустя заторопились и шкафоподобные молодчики, охранявшие Виккерс. Они быстрым шагом, насколько позволяли фигуры, вышли из бара, впустив прохладный вечерний воздух в помещение.

Нужно было оправляться следом. Забелин издали махнул Александру на дверь, а барменша Полина огорченно спросила:

– Уже уходите?

– Извини, Поля, мы с тобой потанцуем в следующий раз. Лады?

Он уже хотел было пойти к выходу, как внезапно услышал со стороны улицы частые дробные выстрелы. Звуки стрельбы были гулкими, совсем не такими, как из пистолета Макарова.

Полина вздрогнула, с удивлением и испугом посмотрела на входную дверь. Она много читала о бандитских разборках, когда в помещения баров и ресторанов врываются вооруженные бандиты и начинали беспорядочную стрельбу.

«Из ТТ⁵ мочат», – подумал Забелин. Цыганков в это время рванул к выходу.

«Вызови милицию!» – крикнул Полине Сергей, а сам поспешил за Цыганковым на улицу.

На ходу они оба выхватили пистолеты, но воспользоваться ими не пришлось. Неподалеку от припаркованного джипа лежали три тела. Два из них – телохранители Виккерс – не подавали признаков жизни. Маргарита была без сознания и тихо стонала. Ее кожаное пальто было прострелено в нескольких местах.

– Серега, давай быстро Скорую. Телефон в баре, – крикнул Цыганков, приподнимая девушке голову, чтобы ей было легче дышать.

Оперативные документы

1. Сводка оперативно—поискового отдела (ОПО)

Инициатор подполковник Усольцев Л. П.

Объект «Высокий» – майор Забелин С. П.

Объект «Смуглый» – капитан Цыганков А. И.

«Наблюдение начато в 20:00 от здания Управления ФСК.

Объекты вышли из здания и зашли во внутренний двор Управления, где стоял автомобиль ВАЗ—2107, закрепленный за отделом ЭК⁶. «Смуглый» поменял номера на машине, после чего они с «Высоким» сели в автомобиль и выехали на дорогу.

Дальнейшее наблюдение было продолжено с использованием двух автомашин ОПО.

«Смуглый» и «Высокий» выехали в центр города и остановились неподалеку от бара «Джон Сильвер». В 20:15 «Смуглый» зашел в указанный бар. В 20:20 в бар зашел «Высокий».

С 20:35 до 21:20 «Смуглый» встречался в баре с женщиной, одетой в черное кожаное пальто, без особых примет. «Высокий» за это время ни с кем не контактировал за исключением девушки-бармена.

В 21:25 женщина, с которой встречался объект «Смуглый», вышла вместе с двумя телохранителями из бара. В это время из переулка выехал автомобиль ВАЗ—2109 предположительно синего цвета, из которого раздались pistolетные выстрелы. Количество сидящих в машине установить не удалось из-за тонировки стекол. Номер автомобиля разглядеть также не представилось возможным, поскольку он был замазан грязью. Преследование преступников не осуществлялось ввиду уже имеющегося задания. Вместе с тем разведчики наружного наблюдения сообщили милицейским постам о произведенном нападении и направлении движения машины с нападавшими.

В 21:27 объекты наблюдения обнаружили потерпевших и вызвали скорую помощь.

После того как забрали раненую и тела двух сопровождавших ее лиц, объекты сели в автомобиль и вернулись в Управление ФСК.

В 22:00 «Смуглый» и «Высокий» вышли из Управления и направились каждый к своему месту жительства, откуда до утра не выходили».

2. Сводка прослушивания телефонных переговоров

Инициатор подполковник Усольцев Л. П.

т. 65—87—09 (домашний телефон полковника Шумилова).

Разговор начат в 22:23.

ЗАБЕЛИН. – Товарищ полковник, это майор Забелин.

ШУМИЛОВ. – Что случилось, Сергей?

З. – После встречи с Александром Виккерс была тяжело ранена, ее телохранители убиты.

Ш. – Что удалось установить? Каковы результаты поиска по горячим следам? Что сообщает милиция?

З. – Поиск результатов не дал. Машину обнаружили на одной из улиц в Сельмашевском поселке. Отпечатки есть, но чьи – вопрос.

Ш. – Следы вроде ведут к сельмашевцам? Но это слишком примитивно. Вероятно, сделано для того, чтобы сбить с толку.

З. – Я тоже так думаю. С наибольшей уверенностью можно сказать, что это дело рук Матвея.

Ш. – Что с Виккерс, она выживет?

З. – Думаю, да.

Ш. – Знаешь, ее надо охранять. Поезжайте к ней в больницу с Цыганковым и оставайтесь там на ночь. А утром я пришлю замену.

З. – Есть, товарищ полковник.

Ш. – Хотя нет, постой! Вы утром будете мне нужны. Я сейчас свяжусь с заместителем начальника ГУВД и попрошу выделить наряд милиционеров. Пусть посидят у дверей. А вы давайте отдыхать.

З. – Есть!

Разговор закончен в 22:25.

Уральск, металлургический завод, кабинет генерального директора Генералова А. Н., 4 июня, 11:05

– Михаил Яковлевич, смотрите, какой большой завод, – сказал удивленно управляющий чековым инвестиционным Фондом «Согласие» Геннадий Бондаренко, бывший у Плотникова одним из самых доверенных лиц после Красовской.

Они ехали по огромной территории металлургического завода, сделали уже несколько поворотов вдоль длинных цехов из серых бетонных блоков, и все еще не доехали до административного корпуса.

– Да, Гена, кусок приличный, – согласился Плотников, которого Бондаренко пригласил на встречу с директором завода Генераловым.

Накануне Бондаренко рассказал Плотникову о желании Генералова купить крупный, а еще лучше контрольный пакет акций. Однако закон не разрешал менеджменту делать это напрямую, закон выделял им всего лишь жалкие пять процентов акций, а остальное отдавал на откуп людям с улицы. И для того, чтобы заполучить реальную власть над предприятием, надо было провернуть операцию по обмену акций на ваучеры. Сделать это мог только человек, получающий приватизационные чеки от населения, то есть он, Геннадий Бондаренко.

Директор завода был деятелем старой закалки. Как и губернатор Медведев, он много раз избирался в руководящие органы областной партийной организации, был депутатом всевозможных советов. Его портрет все время висел на доске почета уважаемых людей области, висел при советской власти, висел и сейчас возле здания областной администрации.

Задумав хитроумную операцию, Генералов заручился поддержкой губернатора Медведева, объяснив, что такое крупное, почти градообразующее предприятие не следует отдавать в чужие руки, всяким там москвичам и петербуржцам. Они уведут деньги из области, а что еще хуже, могут ликвидировать завод, распродав по частям. Медведев согласился с доводами директора, и Генералов тогда связался с Бондаренко.

Обо всех деталях состоявшихся переговоров Геннадий сообщил Плотникову, и они заранее обговорили долю, которую будет иметь Михаил Яковлевич при осуществлении этой крупной сделки.

Чем был хорош Гена для чиновников, склонных к разного рода махинациям, – он умел делиться. Поэтому и вырос от заурядного преподавателя в политехническом институте до управляющего ЧИФом, превратился в незаменимого человека для Плотникова и Красовской. С подачи Плотникова на него уже положили глаз некоторые руководители федеральных организаций, расположенных в области. Например, представитель президента Дергачев подумывал о том, чтобы включить его в свой аппарат – ловкие люди ему были тоже нужны.

Административный корпус металлургического завода выглядел обветшавшим: серые стены с кое-где обвалившейся штукатуркой, запыленные окна в старых деревянных рамах. Генералов не хотел тратить деньги на косметический ремонт, пока не станет собственником.

Никем не сопровождаемые, Плотников с Бондаренко поднялись на второй этаж и сразу уткнулись в приемную. Молодая симпатичная секретарша, только увидев вошедших, спросила:

– Вы из Комитета по Управлению имуществом? Вас уже ждут, меня Алексей Никандрович предупредил.

Едва они вошли в просторный кабинет с большими окнами, как навстречу поднялся генеральный директор, подошел к ним, поздоровался. Генералов – высокий мужчина с властным лицом и голубым ледком в глазах, дежурно улыбнулся, показал рукой на кресла.

– Садитесь, господа, так, кажется, сейчас говорят?

– Это неофициальное обращение, – заметил Плотников. – Но когда я был в Москве, то заметил, что оно уже широко применяется. Только в армии да милиции осталось старое «товарищи».

– А жаль! – недовольно покачал крупной лобастой головой Генералов. – Все-таки «товарищи» звучит лучше, как-то теплее, ближе. Не зря, если вы знаете историю, в царском правительстве заместители министров назывались «товарищами». А «господа»? Сейчас господ нет. Господ всех, к сожалению, иль к счастью кончили в Гражданскую.

– Ну почему же? – попытался с важным видом возразить Плотников. – Есть же еще потомки дворян, выходцы из благородных сословий.

– Михаил Яковлевич, я вас умоляю! Вот Ельцин, уроженец деревни Бутки, какой он господин? – властный, не привыкший, чтобы ему перечили, директор иронично приподнял брови. – Не было бы советской власти, он всю жизнь крутил бы хвосты коровам.

– И все-таки, – дипломатично вмешался Бондаренко, – я предлагаю оставить идеологические споры. Мы собрались, чтобы обсудить важную для всех нас тему, а не убить время.

Он удобно устроился в кресле – молодой, розовощекий, полнеющий. Он напоминал себе рефери на ринге, который судит матч между двумя столкнувшимися в жесткой схватке мастодонтами. Позиция достаточно удобная, нейтральная, дающая большое преимущество для маневра. Поэтому Геннадий был доволен и чувствовал себя уверенно.

– Согласен! – произнес между тем с нотками примирения в голосе Алексей Никандрович. – Вы мое предложение знаете. Я покупаю у вас ваучеры и пускаю их на приобретение контрольного пакета.

– Да, но чековые аукционы уже закончены, – Плотников удивленно посмотрел на директора и опустил голову вниз, обозначив толстые рыхлые щеки, упавшие на воротник. Он будто что-то искал взглядом на столе перед собой.

– Значит, вы, Михаил Яковлевич, проведете еще один, специальный чековый аукцион, закрытый для посторонних, – надавил директор, – в порядке исключения.

– Конечно, у нас же остались неиспользованные ваучеры, – поддержал его Бондаренко. – Надо обратиться в администрацию области, региональную Думу.

– Здесь надо не в Думу, – отрицательно покачал головой Плотников, оторвав взгляд от стола, – здесь надо писать официальное письмо в Госкомимущество на имя Чубайса.

– Ну вот и напишите, Михаил Яковлевич, не мне же вас учить, – добродушно заметил Генералов, растопив льдинки в холодных глазах. – Только пишите поскорее, время не ждет. До меня доходят слухи, что некоторые московские бизнесмены желали бы заполучить предприятие. Мне совсем бы не хотелось, чтобы приехал какой-нибудь Каха Бендукидзе с чемоданом ваучеров и купил этот завод, как он купил «Уралмаш» в Свердловске.

– Письмо мы напишем, – заверил Плотников. – Сегодня же дам команду и, кроме того, в Москве пролоббирую ваши интересы, Алексей Никандрович, но на какие средства вы думаете приобрести чеки, это ведь достаточно большая сумма?

Волевое лицо Генералова помрачнело.

– Честно говоря, еще не думал над этим.

– А взять из кассы завода вы сможете? – предложил Бондаренко. – Возьмете для единовременной оплаты, а потом рассчитаетесь.

Генеральный директор задумчиво потер седые виски, потом нехотя объяснил:

– Сейчас заказы упали, приход денег небольшой, едва хватает на зарплату. Какую-то сумму я смогу вытащить, но ее вряд ли хватит.

– Алексей Никандрович, – быстро сообразил Геннадий, – предлагаю вам взять кредит в банке, допустим, в филиале «Кредо-банка». Там у меня знакомый директор. На эти деньги вы покупаете чеки, потом, когда становитесь собственником, моментально расплачиваетесь с банком.

– Насколько быстро это может произойти? – не понял Генералов. – Я же сказал, сейчас туго с заказами.

– А инфляция, вы про нее забыли? Берете сейчас триста тысяч рублей, через три месяца будете отдавать тридцать.

– И то верно, – облегченно засмеялся Генералов. – Как бы нам все это поскорее устроить? Можете договориться?

– Конечно! – бросил довольный собой Бондаренко. Он откинулся в кресле, невольно выставив живот, который точно надутый шарик распирает изнутри тугой пиджак, застегнутый на все пуговицы. – Ждать не будем!

Он потянулся к одному из телефонов, стоящему на столе у директора, набрал номер.

– Коля, привет, слушай, я тут тебе хорошего клиента нашел, заемщика. Кого? Металлургический завод. Нет, не парю тебе мозги, ты же меня знаешь. Я разговаривал с генеральным директором, они готовы у тебя взять около миллиона рублей в кредит. Ну, это как сами договоритесь. Слушай, а мне там ничего не перепадет? Как за что? Я же тебе клиентов подгоняю? Короче, к тебе подъедут, возможно, сегодня. Жди!

– Ну что, господа-товарищи, – попытокнул довольный Алексей Никандрович, – скрепим наши договоренности, как говорится, чисто символически, как было принято еще в советское время?

Не дожидаясь ответа, он нажал кнопку селектора и сказал секретарше:

– Анюта, занеси нам кофе и коньяку.

*Уральск, больница скорой медицинской помощи, палата хирургического отделения,
8 июня, 11:45*

Выдержав некоторое время, Цыганков собрался навестить раненую Маргариту Виккерс. Ему было не по себе, словно он оказался прямым виновником того, что произошло, словно именно он не уберег эту молодую женщину, хотя по роду службы и должен был предвидеть опасность. Сергей его успокаивал, говорил, что такое в нынешнее время происходит постоянно, всего не предусмотритишь, но Цыганкова все равно подспудно мучило чувство вины.

За неделю, прошедшую после покушения, он встречался с источниками, связанными с криминальным миром, однако стоящей информации не получил. Агенты или не знали, кто совершил нападение, или не хотели себя подставлять, поэтому утаивали сведения. Единственным, кто не боялся говорить начистоту, был Костя Боец. Встретившись с Александром в одном из баров, находящихся в его районе, он был достаточно откровенен.

– Думаешь, не знаю, кто сделал? – спросил Костя, выпивая коньяк и морщась то ли от его вкуса, то ли от своего знания, – это люди Матвея. Эти суки завалили моих ребят!

– Так что теперь? Война? – спросил озабоченно Цыганков.

– Нет, с Матвеем бодаться себе дороже. Он может подтянуть сельмашевских или чеченов, тогда нам вообще перекроют кислород, даже ваша контора не поможет. У меня пехоты не хватит, чтобы всех завалить. Так что, Саша, жалко пацанов, но воевать из-за них я не буду.

– Понятно, понятно! – пробормотал Александр.

Итак, становилось ясно, что нападение на Виккерс организовал Матвей в отместку за ее связь с правоохранителями. Наверное, нашли передатчик в сумке, и все поняли.

От лечащего врача Цыганков узнал, что Маргарите стало лучше.

– Слушай, Серджио, пойдём вместе, а то мне одному идти как-то не по себе, такое ощущение, словно я близкий родственник безнадежного больного.

Цыганков иногда называл Забелина на итальянский манер, узнав, что лет десять назад Сергей являлся страстным фанатом итальянской эстрады. Цыганков, не в пример приятелю, увлекался тяжелым роком – Слейд и Лед Зеппелин. Это была серьезная мужская музыка, а не девчачьи кумиры, вроде Пупо или Тото Кутуньо.

– Не пойму, что тут сложного? Купи цветы, фрукты. У меня куча работы, – Сергей показал на стопку дел, лежавших на столе в некотором беспорядке. – Надо информацию прочитать, наложить резолюции.

– Не превращайся в бюрократа, мы же опера! Потом напишешь все, что нужно. У тебя в отделении ребята опытные, сами знают, что делать.

– Знать-то знают, – не соглашался Забелин, – но нас тоже контролируют. Завтра Кислицын соберет дела и увидит, что я не сделал никаких записей, вызовет на ковер и устроит торжественную порку, как у солдата Швейка. Шумилкову достанется в свою очередь за меня. Вот такие пироги! – И все же посмотрев на недовольное лицо друга, он все же сжалился: – Однако на улицу выйти надо, ты прав! Немного развеяться не помешает, а то голова уже перестала соображать. Поехали!

Они купили все, что покупают в таких случаях, навещая больных, и на оперативной машине в мгновение ока добрались до больницы. Поднявшись на третий этаж, прошли немного по коридору, повернули несколько раз и уткнулись в грузного пожилого человека в милицеевской форме. Тот мирно дремал на стуле возле крайней палаты у окна. Милиционер был явно пенсионного возраста и, вероятно, дослуживал последние дни.

Цыганков не сдержался: «Они бы еще вохровца⁷ сюда поставили, мать их!»

Забелин потряс милиционера за плечо:

– Товарищ милиционер...

– А? Что? – пожилой охранник открыл глаза и непонимающе уставился на двух стоящих перед ним мужчин.

– Федеральная служба контрразведки, – представился Цыганков, доставая и показывая удостоверение. – Маргарита Виккерс здесь лежит?

– Здесь, здесь, – пробормотал милиционер.

– Нам надо с ней переговорить, а вам спать надо дома, а не на посту. Вы разве не знаете, что она ранена? Может быть повторное покушение.

– Нет, не знал! – испуганно проговорил пожилой милиционер и инстинктивно провел рукой по поясу, где у него на ремне должна была находиться кобура с пистолетом.

Цыганков невольно проследил взглядом.

– А где оружие? – спросил он. – Сейчас не советские времена, когда можно было ходить с огурцом в кобуре. Папаша, я вас спрашиваю?

Забелин взял друга за локоть:

– Саня, не кипятись, видишь, начальство тупо подставило мужиков, и хорошо хоть без трупов обошлось. Давай зайдем к Виккерс, а потом сообщим обо всем Шумилкову.

Тихо приоткрыв дверь, они вошли в палату. В просторной белой комнате стояла одна кровать, на которой лежала Маргарита, закутанная одеялом до подбородка, рядом стояли две капельницы. В углу на небольшом столике лежали фрукты, конфеты, коробки с соком. Виккерс не спала. Она увидела входивших мужчин и сразу узнала Цыганкова.

– Саша, – сказала она слабым голосом, – здравствуй!

– Рита, как себя чувствуешь? – Цыганков подошел ближе к кровати. Он увидел тонкую бескровную руку молодой женщины, лежавшую поверх одеяла, и погладил ее, словно успокаивая. Рука Маргариты была холодной.

– Вроде лучше! – тихо произнесла Виккерс. – Я недавно проснулась, врачи уже осмотрели. Говорят, иду на поправку.

– Знаешь, как мне жаль, что все так случилось, – сказал расстроено Александр. – Мы же должны были тебя защищать...

– Чего теперь себя винить, что сделано, то сделано! А у меня совсем нет времени здесь разлеживаться, – не сдержавшись, с досадой произнесла Маргарита и вопросительно посмотрела на Забелина.

– Извини, забыл! – сказал Цыганков. – Мой друг Сергей Забелин. Работает со мной.

– Очень приятно! – Маргарита внимательно разглядывала Сергея.

Едва Цыганков вошел со своим приятелем, Рита тут же обратила на него внимание. Долговязый серьезный мужчина показался ей несколько простоватым: слегка вздернутый нос, небрежно причесанные русые волосы, голубые глаза. Подобные лица встречаются часто – в толпе их совсем не замечаешь, потому что они ничем не выделяются, как говорится, без особых примет. И все же глаза отличали его. Смелые, немного дерзкие, веселые. Они как визитная карточка людей сильных и уверенных в себе, вроде бандитов или правоохранителей, которым сам черт не брат.

Молчание затянулось. Сергей улыбнулся, и улыбка его понравилась Рите.

– Скорее выздоравливайте! – пожелал он и добавил: – Мы вам принесли фрукты и соки, правда, у вас и так все есть. Ну, ничего, я думаю, лишним не будет.

Он поставил пакет с продуктами на столик, продолжил, как бы извиняясь:

– Вы уж нас простите, но нам пора – дел много!

– Я все понимаю, – произнесла Маргарита. – Вы заходите, когда будет время.

Оперативники вышли из палаты, и Цыганков, как было договорено, пошел звонить Шумилову, чтобы прислали вооруженную охрану, а Сергей вернулся к сотруднику милиции, стоявшему возле окна. Он подошел и глянул вниз сквозь грязное, давно не мытое оконное стекло, но ничего подозрительного, кроме нескольких прохожих и машины скорой помощи, въезжавшей в ворота больницы, не увидел.

Встреча с Виккерс взволновала его, и он не мог понять отчего. Большие глаза, в которых затаилась боль. Слабый, едва различимый голос. Тонкие бессильные руки вдоль одеяла. Нет, все не то, все это он видел и раньше, встречал при расследованиях, сталкивался в больницах. А вот ее беспомощность, ее незащитность?

Состояние молодой женщины, связанной с бизнесом, бывшей до того преуспевающей, привыкшей крутить всеми, кем захочет, а теперь совершенно бессильной, заставила Забелина внимательно отнестись к ней. Он вдруг ощутил в себе не то привычное отношение, которое обычно испытывал к потерпевшему, к свидетелю по делу или источнику, задействованному в операции, а нечто особенное, личное.

Ее тонкая белая рука, лежащая поверх одеяла, спутанные каштановые волосы, бледное бескровное лицо и, самое главное, глаза, глаза, говорящие о глубоком душевном одиночестве. Он невольно пожалел ее.

Сзади раздался звук торопливых шагов – возвращался Александр.

– Шумилов позвонил в ГУВД, скоро приедет наряд с оружием, – проинформировал он, подходя ближе к Сергею.

Пожилый милиционер с благодарностью посмотрел на Цыганкова.

– Спасибо, товарищ капитан! – сказал он, слегка покашливая.

– Что, простудились? – участливо осведомился Александр.

– Тут где-то форточка открыта, ночью задувало, а я куртку не взял, думал, будет тепло.

Сергей тоже почувствовал, что из коридора тянуло свежим воздухом, который сильно отличался от больничного, пахнувшего лекарствами, старой мебелью и кислым запахом щей из столовой. Он пошел вперед, повернул за угол на лестничный пролет и попал к окну, за которым виднелась пожарная лестница. Одна из створок окна оказалась приоткрытой. Он потянул ее на себя, она легко без скрипа открылась полностью. С оконных петель стекали потеки свежего масла, словно их специально смазывали.

Когда он выглянул на улицу, то поначалу на пожарной железной лестнице ничего не обнаружил? Но затем, приглядевшись, обнаружил комочки грязи, оставленные ребристыми подошвами кроссовок большого размера. Все это насторожило Забелина.

Из-за спины раздался голос Александра:

– Сережа, что там?

– Думаю, кто-то хотел отсюда попасть в здание, как раз у палаты Виккерс. Видишь следы смазки?

– Пожалуй! – Цыганков пальцем потрогал масло, а затем понюхал его.

– Ты еще полижи! – усмехнулся Забелин.

– Тебе бы все шутить, а у нас охраняемое лицо.

– Значит, мы вовремя здесь оказались, – задумчиво произнес Сергей, – видимо, готовилось нападение. Надо предупредить милицию.

Они дождались приезда двух соборцев, все им показали и покинули больницу, выехав в Управление.

***Уральск, УФСК России по Уральской области, кабинет полковника Кислицына
Б. И., 10 июня, 09:27***

Усольцев, которого не покидала мысль о более глубокой проверке Цыганкова, выбрал момент и решил поделиться с полковником Кислицыным своей задумкой о подставе зеков. Он застал начальника за чтением утренних газет. Надев очки, отчего лицо Кислицына приняло глубокомысленный вид, полковник задумчиво шелестел листами и пил свой любимый чай с лимоном.

– Борис Иванович, у меня появилась тут одна мыслишка, – обратился к нему Усольцев. – Но нужна ваша помощь.

– В чем дело? – Кислицын оторвался от чтения «Советского спорта».

– Надо провести оперативную комбинацию. Я думаю подставить Цыганкову агента из уголовной среды, якобы желающего продать оружие.

– Что это даст?

Усольцев хитро прищурился.

– Если Цыганков связан с криминалом, то сольет информацию, допустим, Матвею, и тот отправит бойцов сделать налет на нашу подставу. Тут мы их и возьмем. Таким образом мы выявим связь Цыганкова с бандитами и реализуем дело по ОПГ. Если не сольет, значит чист, аки божий херувим, и тогда закончим проверку.

Кислицын отложил в сторону газету, задумчиво забарабанил пальцами по столу.

– Смысл есть, смысл есть! – произнес он после короткой паузы. – Хорошо, я подумаю, чем помочь. Насчет Забелина что?

– Честно говоря, хотел посоветоваться. На него ничего нет, и я подумал... Хотел предложить исключить его из проверки.

– Да... Забелин... Точно ничего? Вообще?

Усольцев развел руками.

– Вообще!

Полковник встал, прошелся по кабинету, по пути посмотрев в окно. Забелин был близким другом Цыганкова, и, следовательно, между ними не было тайн. По крайней мере, дружба предполагает именно такие отношения – полная открытость и доверие. Мог ли Забелин с учетом этого не знать о возможной связи Цыганкова с криминалом? Возможно, но маловероятно! Нет! Скорее невозможно!

– Думаю, в отношении Забелина пока рано! – сказал Кислицын твердым тоном. – Понаблюдайте еще! Надо быть до конца уверенными.

После того как Усольцев покинул кабинет Бориса Ивановича, полковник вызвал начальника отдела по борьбе с терроризмом полковника Лукьяненко и приказал выделить человека из отдела в помощь Усольцеву для подбора агентов из уголовной среды.

– Роман Викторович, – обратился Кислицын к Лукьяненко, – я знаю, что у вас есть агенты из уголовников, сидящие в колонии в Клыкоче. Насколько мне известно, сейчас за хорошее поведение зекам могут давать отпуска на несколько суток.

– Честно говоря, я не владею такой информацией.

– А вы узнайте, Роман Викторович, узнайте, пожалуйста! Несколько ваших источников оттуда нам могут понадобиться в ближайшее время.

– Могу я узнать цель использования? – Лукьяненко вопросительно посмотрел на Кислицына.

– Все подробности знает Усольцев, но я прошу вас максимально ограничить круг посвященных. Пусть это будете вы и один из ваших подчиненных, тот, кто может заполучить источники из колонии. А кто вообще с ними там работает?

– Капитан Куроедов. Он сегодня как раз в Клыкоче.

– Вот и хорошо! Как приедет, сообщите Усольцеву. Он поставит задачу Куроедову.

Уральск, квартира капитана Цыганкова, 5 июня, 20:30

С самого утра Цыганков испытывал неприятное смутное чувство беспокойства, неуверенности в себе. Это ощущение возникло у него на пустом месте, совершенно безосновательно, но оно не покидало весь день, словно за ним кто-то неотступно следил. Это было настолько неприятно, что даже в туалете он невольно поглядывал себе за спину. Так недолго было и до паранойи дойти.

Он проанализировал события последних дней и не нашел ничего, что могло бы вызвать даже тень беспокойства. Беспокоиться было не о чем. Абсолютно! И все же, все же... Интуиция подсказывала, что впереди опасность. Он шел по тонкому льду, как герои-чекисты его любимой книги писателя Брянцева; ошибки, как и тогда, могли стоить дорого, могли стоить ему жизни и жизни близких людей.

Цыганков всегда учитывал, с кем имеет дело. Он курировал линию борьбы с оргпреступностью, имел в этой среде агентов и конфиденциальных источников, с некоторыми из бандитов поддерживал нормальные, даже приятельские отношения. И все же он прекрасно знал, что дружбы, привязанности в уголовной среде не бывает. Бывает некое уголовное братство, которым они так гордятся и бравируют и которое зачастую разваливается при первом дележе добычи, не говоря уже о первом допросе у следователя.

Вчера был сложный, напряженный день, когда они участвовали в задержании поставщиков крупной партии оружия, которые привезли в Уральск пистолеты «ПМ» и автоматы «АК» из Чечни. Не все прошло гладко, как планировалось, захват чуть не сорвался по его, Цыганкова, вине – от волнения он совершил оплошность и едва не упустил главаря. Однако его выру-

чили ребята из Управления по борьбе с оргпреступностью, особенно помог Коля Сметанин, опытный ментовский опер.

Поскольку процесс захвата снимала на камеру группа документирования, действия Цыганкова, его волнение и саму ошибку, когда он разогнавшись перелетел через главара и упал, конечно, увидит полковник Кислицын. Опять будут прорабатывать его и Шумилова, опять будут звучать неприятные слова и угрозы. Потому, несмотря на то что это была его разработка, которая все-таки завершилась успешно – продавцов они задержали, стволы изъяли, – настроение у Цыганкова было бесповоротно испорчено...

Только оказавшись у дверей своей квартиры, он заставил себя отвлечься от тревожащих мыслей. Вставляя ключ в замочную скважину, он услышал детский гомон за дверью, шум телевизора. Лишний раз подумал, что надо бы поставить хорошую железную дверь, а то эту можно выбить плечом, не прилагая особых усилий. У него было двое детей – два мальчика. Жена работала в областной администрации в финансовом управлении. Свою семью он любил, даже несмотря на периодические скандалы, которые устраивала жена из-за его поздних возвращений домой.

Цыганков относился к этому снисходительно, считая ревность не слишком серьезным поводом для семейных конфликтов. Ревность, как он думал, всего лишь одно из проявлений любви, а если человек любит, то все прощает.

«Папка пришел!» – закричал самый младший из сыновей Виталик и, вбежав в прихожую, прыгнул ему на шею.

Подхватив маленькое тельце сына, Цыганков вошел в комнату. Старший сын сидел на полу и мастерил из пластилина солдатиков. Из второй комнаты появилась жена Наташа, хмуро оглядевшая мужа. Ни слова не говоря, она пошла на кухню. Цыганков недоумевал: вроде сегодня явился домой не поздно – за окном светло, он был трезвым, как стекло. И чего этим бабам надо?

Он опустил младшего сына на пол, пошел на кухню прояснить обстановку.

– Наташа, что случилось? – спросил он, войдя в небольшое узкое помещение, основное место в котором занимал холодильник «Бирюса», доставшийся от родителей. На кухне еще уместились старый набор кухонной мебели и газовая плита «Брест», которую он смог купить по талону в последний год советской власти.

Жена окинула внимательным взглядом его лицо, потом посмотрела на воротник рубашки.

– Что, сегодня без следов? – язвительно осведомилась она. Несколько дней назад на одной из рубашек Цыганкова она нашла старый, уже засохший след от губной помады. Скандал подняла уже тогда и продолжала шуметь всю неделю. Сегодня было продолжение.

– Я же тебе говорил, – спокойно, стараясь не провоцировать ссору, ответил Цыганков, – это была оперативная необходимость, можешь позвонить Шумиллову.

– И чего хорошего мне Шумилов скажет? – взвилась Наталья. – Вы там все стоите друг друга! Твой Шумилов тебя всегда покрывает, не говоря уже о Забелине. А ты шляешься по всяким бл...м, хоть бы о детях вспомнил! Я уж о себе молчу.

– Ну, Наташ, – извиняющимся тоном произнес Цыганков, – ты же знаешь, мне никто не нужен, я тебя люблю.

– Ты лучше спроси, люблю ли я тебя! У других, посмотришь, все есть, умеют люди устраиваться. В твоём возрасте имеют машину, дачу, живут спокойной солидной жизнью, а ты ведешь себя как мальчишка. Одни бабы на уме!

Наталья раздраженно сунула ему под нос тарелку с ужином и вышла из кухни. Лениво взяв вилку в руку, Цыганков опустился на стул. Жена, с одной стороны, была права, другие женщины, конечно, имелись, да и как без них в его работе? У него состояли на оперативной связи несколько женщин и девушек, с ними приходилось встречаться, причем практически

езде: и на конспиративной квартире, и в кафе с ресторанами, и в гостиницах. С некоторыми завязывались легкие романы, никогда не переходившие в нечто серьезное. Но жене он никогда не изменял.

Теперь, сидя дома за кухонным столом, Цыганков угрюмо думал обо всем этом: о трудной, недавно прошедшей операции, о придирах полковника Кислицына, думал, о Маргарите, получившей пули по его вине. А тут еще жена с ее разборками!

Он поднялся и взял из холодильника початую бутылку водки.

Уральск, УФСК по Уральской области, кабинет полковника Кислицына Б. И., 17 июня, 14:30

Полковник Кислицын все эти дни был в хорошем расположении духа. Он расхаживал по кабинету и напевал песни из своего комсомольско-партийного прошлого вроде «Марша коммунистических бригад»: «Будет людям счастье, счастье на века, у советской власти сила велика!» При этом Борис Иванович нет-нет, да и бросал взгляд на стол, где у него громоздились папки с оперативными материалами, касающимися Забелина и Цыганкова. Эти папки накануне принес Усольцев, аккуратно постучав в дверь и мягко, как колобок, вкатившись в кабинет.

Кислицын приоткрыл окно. В кабинет сразу ворвался шум улицы: звуки проезжавших машин, гомон проходившей внизу толпы. Фасад здания Управления выходил на одну из оживленных улиц города – улицу братьев Стругацких. Далее, если идти по этой улице к реке, находился центральный книжный магазин, а еще дальше – высокое сигарообразное здание областной администрации.

Его мысли вернулись к Усольцеву. В материалах, которые тот принес, ничего стоящего не было, ничего весомого, чем можно было бы прижать хвост Цыганкову и Забелину. Сам Кислицын, вчера просидел весь вечер, корпел над делами, пытался делать выписки, систематизировать данные, хотел разложить их по полочкам в своей голове. В результате он понял, что схватить за жабры оперов Шумилова не сможет, хотя он, Кислицын, был заядлым рыболовом.

Забелин и Цыганков активно передвигались, встречались с разными людьми, вели многочисленные телефонные переговоры, но все было не то. Не было и намек на скрытую от посторонних глаз, изнаночную сторону их жизни. Даже интимные связи не удалось отследить, а ведь они должны были быть, особенно у такого ловеласа, как Цыганков. Кислицын в этом не сомневался.

Он подошел к столу, положил руку на лежащее сверху дело с материалами наружного наблюдения и слегка забарабанил по картонной обложке пальцами, стремясь поймать ритм «Марша коммунистических бригад». В этих толстых делах определенно не было ничего интересного.

А может, Усольцев не проявлял должного старания, работал спустя рукава? Все-таки – это его бывший отдел, и симпатии к отдельным сотрудникам могли у него остаться, вроде как честь отдела и всякое такое. Нет, Усольцева он изучил. Тому никто не нужен, никакие симпатии не помешают ему исполнить порученное дело. Он, словно заведенный механизм, действует четко и без сбоев. И все же, несмотря на бесплодность проделанной работы, Кислицын чувствовал, что бросать начатое не следует. Пока нельзя. Интуиция так подсказывала.

Он поднял трубку, набрал номер Усольцева.

– Леонид Петрович, вы хотели мне показать видеозапись, я освободился.

Вскоре Усольцев появился у него в кабинете. Он с важным видом подошел к видеоманитوفону «Панасоник» и вставил кассету в магнитофон. Загорелся экран телевизора, словно из тумана возникла улица, магазинная площадка, на которой произошел недавний захват, зазвучали голоса сотрудников. Потом изображение сфокусировалось на санитарном Узике.

Было видно, что снимали из дома, примыкающего к магазину.

Кислицын знал, что именно хочет показать ему Усольцев – последний захват, проведенный отделом Шумилова. Однако Леонид Петрович намекнул на наличие определенных нюансов, о которых хотел бы доложить начальнику. Им, этим нюансам, никто не придавал значения – так, немного посмеялись и все, но Усольцев посчитал, что это не шутка. Вот и сейчас он с хитрым прищуром присел в кресло и, взяв в руки пульт, принялся искать нужное место. Видеомagneтофон глухо завыл, с напряжением перематывая пленку, которая шуршала и слегка потрескивала в металлическом брюхе аппарата.

«Старая кассета, – пояснил Усольцев, – у хозяйственников новых нет, пришлось старую использовать – того и гляди зажуеет. Ага, вот!»

На экране пошло изображение, предшествующее захвату. Цыганков идет к своей машине. Милицейский оперативник подает сигнал. Цыганков и его группа бросаются к продавцам оружия. Цыганков пытается применить захват, но неудачно, и перелетает через корпус одного из преступников.

В этом месте Усольцев нажал «паузу».

– Борис Иванович, – сказал он, не отрывая взгляда от экрана, – обратите внимание.

– И что? Я уже видел, – разочарованно заметил Кислицын, – неудачный захват. Цыганков переволновался и недооценил противника, а противник оказался опытным. На его счастье ему помогли, а то мог и пулю схлопотать.

– И все-таки я хотел бы обратить на этот эпизод ваше внимание, – вкрадчиво продолжил Усольцев и хитро усмехнулся, – мне кажется, он специально промедлил, дав подозреваемому лицу время для изготовления. Вот смотрите!

Усольцев пустил пленку в замедленном темпе. Было видно, как Цыганков медленными прыжками подбегает к торговцу, поворачивает голову вправо и влево, видимо, убеждаясь, что ему никто не помешает.

– Видите, вот эти повороты головы, – Усольцев вновь нажал на кнопку паузы, – они отняли те нужные доли секунды, которые Цыганков мог использовать для завершающего броска. Он специально промедлил, потому что в его подстраховке не было никакой нужды. За ним бежала группа захвата.

Недоверчиво посмотрев на начальника отделения, Кислицын возразил:

– Вы думаете, специально? Ну, не знаю! Для чего? Сорвать операцию, которую сам же и разрабатывал?

Усольцев на мгновение задумался, засопел:

– Да, готовил ее он, но, вероятно, в ходе подготовки на него вышли преступники, состоялся сговор. Цыганков не мог остановить уже запущенный процесс, но помешать этому мог.

– Подождите, подождите! – недовольно остановил его полковник. – У вас есть сведения, что на него выходили бандиты, проводили эту, как у них там говорят, стрелку?

– Ну, прямой и точной информации нет, однако Цыганков опер, хорошо подготовленный опер, он может уходить от наблюдения, маскироваться. Мы могли упустить эту связь, она могла совершенно выпасть из поля зрения.

– Мне кажется, вы фантазируете, Леонид Петрович! – раздраженно бросил Кислицын, наваливаясь на стол тучным телом. – Ваши фантазии проистекают оттого, что вы не обладаете достоверной информацией, а время уходит! Думаете, генерал будет бесконечно продлять санкцию на проверку? Я глубоко сомневаюсь.

Обиженно замолчав, Усольцев вытащил кассету из видеомagneтофона.

– Мы работаем, Борис Иванович, не сидим, сложа руки, – глухо ответил он, – у нас не все получается, но мы действуем.

– Вот и прекрасно, работайте тщательнее, глубже, не хватайте то, что лежит на поверхности, то, что может подбросить вам противник. Так, кажется, учит нас искусство контрразведки.

А меня по таким пустякам, относящимся к вашим догадкам, не отвлекайте! Догадок я сам могу вам привести тысячи. У меня слишком много работы, чтобы ими заниматься. Забирайте свои документы, – Борис Иванович резко двинул от себя стопку, – и принимайтесь за работу!

Когда за Усольцевым закрылась дверь, Кислицын разочарованно покачал головой, представив, насколько бестолковыми могут быть подчиненные. Усердие, как говорили классики, все преодолагает. И все же, все же...

Может, он зря посмеялся над Усольцевым и тот в чем-то прав, не все так просто? Былая подозрительность вновь проснулась в нем. Он принялся читать служебную почту, машинально накладывая резолюции, но мысли неотступно продолжали возвращаться к тому, что показал на пленке Усольцев.

Уральск, Комитет по Управлению имуществом Уральской области, кабинет председателя Плотникова М. Я., 21 июня, 10:05

Для Михаила Яковлевича Плотникова понедельник начался не так плохо, как он ожидал, несмотря на то что еще русский император Николай I называл понедельник черным русским днем. Сначала председатель Облкомимущества провел обычное аппаратное совещание, как он называл его для себя – разгонное, по аналогии с рюмкой водки в начале трапезы.

Затем он занялся переговорами с московским банком, в котором у него был открыт личный валютный счет. Ему хотелось уточнить, была ли зачислена крупная сумма долларов, которую Плотников накануне положил на счет. К сожалению, упрямый банковский клерк не хотел давать справок по телефону и пришлось связываться с зампредом правления банка, лично ему знакомым. В результате все оказалось нормально, деньги поступили.

Вообще у Плотникова были далеко идущие планы. Он хотел приобрести небольшой бизнес в Москве и соответственно жилье, достойное его положения. Наилучшим способом для осуществления этих намерений было переместиться по служебной линии в Первопрестольную. Во время командировок в столицу Плотников несколько раз встречался со своими непосредственными начальниками, и они обещали. Единственным условием с их стороны было скорое проведение приватизации в области; Михаил Яковлевич признавал это условие вполне справедливым.

Поскольку день с утра задался, Плотников в оживленном состоянии ходил по своему большому кабинету, который раньше занимал секретарь обкома КПСС по идеологии. Его так и подмывало выйти в приемную и игриво ущипнуть свою новую молоденькую секретаршу, которая вышла на замену внезапно заболевшей Алевтине Георгиевне.

Ближе к полудню в его кабинет заявился Гена Бондаренко. После поездки на металлургический завод к Генералову он развернул бурную деятельность по продаже ваучеров красному директору. Получив в результате хороший куш, Плотников был очень доволен Геной. Теперь следовало получить в верхах разрешение провести в области последний ваучерный аукцион, ведь очень скоро эти аукционы будут прекращены и заменены залоговыми. В Госкомимуществе, правда, без энтузиазма отнеслись к его просьбе, но Плотников был на хорошем счету, своего рода ударником приватизации. Покрывив душой и потянув время, в конечном счете ему пошли навстречу в порядке исключения. Москва всегда умела поддерживать людей в трудную минуту.

Гена Бондаренко смело вошел в кабинет, сопровождаемый молоденькой белокурой секретаршей. Он был в летнем двубортном костюме песочного цвета, туго обтягивающем всю его полноватую фигуру, благоухал французским парфюмом и выглядел гламурно.

– Михаил Яковлевич, к вам Геннадий Алексеевич, – произнесла секретарь, испуганно глядя на шефа.

– Ничего, ничего, – махнул рукой Плотников, – все нормально, Настя, я ждал господина Бондаренко.

– Я же говорил, – подмигнул ей Бондаренко, – все будет окейно!

Секретарь вышла, а Плотников посмотрел ей вслед и вздохнул.

– Представляешь, – сказал с сожалением, – такая молодая, а мужа уже посадили за кражу на три года.

– Так она свободна? – цинично осклабился Геннадий.

– Нет, нет, она мужа любит: просила помочь, чтобы пересмотрели приговор. Но я тоже не всеильный, к судейским у меня нет подходов. Может, у тебя?

– Откуда? – Бондаренко отрицательно покачал головой.

Они прошли к столу, но разговору помешал звонок телефона. Плотников взял трубку.

– Да, Олег Викторович, заходите.

Дверь в кабинет открылась, и вошел среднего роста мужчина. Как и Бондаренко, он был в двубортном костюме, только темном, в рубашке с короткими рукавами – из рукавов пиджака выглядывали голые волосатые руки.

– Михаил Яковлевич, вот бумаги на подпись, – сказал мужчина, с любопытством поглядывая на Бондаренко.

Плотников взял папку с документами, открыл ее и, бегло просматривая принесенные материалы, принялся визировать. Это продолжалось недолго, вскоре сотрудник Плотникова, получив обратно папку с подписанными документами, деловито удалился.

– Знаешь, кто это? – серьезно спросил Плотников, включая кондиционер. В его кабинете стояла влажная летняя духота, несмотря на распахнутое окно.

– Помилуй, Михаил Яковлевич, откуда мне знать ваших клерков?

– Это чекист из конторы Алексева. Некто Веревкин.

– Что он здесь делает? – насторожился Бондаренко. – Зачем вам лишние глаза и уши людей из конторы?

Плотников насмешливо взглянул на Геннадия, как смотрят взрослые на несмышленных малышей, не понимающих простых житейских истин:

– Во-первых, Гена, их глаза и уши здесь могут быть и без нашего ведома, а так мы знаем кто и где. Во-вторых, я думаю, ничто человеческое ему не чуждо, мы его прикормим, как рыбок прикармливают в пруду. Они потом становятся такими упитанными, такими вкусными.

И Плотников плотоядно зачмокал толстыми губами, вспомнив, как недавно ловил красноперых карасей у одного из своих приятелей, взявших пруд в аренду.

Бондаренко засмеялся:

– Типа деньги не пахнут?

– Вот именно!

– Михаил Яковлевич, а как продвигается дело с аукционом? Нам пора решать вопрос по металлургическому заводу. Я недавно разговаривал с Генераловым, он торопит, и его понять можно – время уходит, потом будет труднее.

Достав пачку сигарет, Бондаренко вытащил одну, закурил. Плотников пододвинул пепельницу.

– Делаю все, что можно, – возвестил он, – уже договорился с Москвой. Они дадут разрешение, но, сам понимаешь, не задаром. Как говорил Шаляпин, даром только птички поют. Труднее всего будет решить вопрос с губернатором Медведевым. Этот мухомор возомнил себя вождем народа Уральской области, вознесся выше некуда. Не знаю, какие бонусы он затребует.

Выпустив длинную струю дыма, Геннадий глубокомысленно подытожил:

– Какие бы бабки он ни просил, надо договариваться, другого пути нет. Это вопрос принципиальный. Генералов для нас пробный шар. Если другие красные директора увидят, что

тема прокатила, они тоже пойдут к нам. Наварим кучу бабок. Сейчас самое время для этого, не все же одному Березовскому иметь или «Хопру-инвесту» вместе с «Русским домом Селенга».

– Я уже думал о наших перспективах, – глубокомысленно заметил Плотников. Он покоился на комнату отдыха и, дрогнув обвислыми щеками, осведомился:

– Выпьешь?

Гена озабоченно глянул на часы.

– Извините, Михаил Яковлевич, еще не все сделал. Мне надо забежать в пару мест. Жара на улице невероятная, и если присоединюсь к вам, то развезет в два счета.

– А я, пожалуй, выпью.

Плотников поднялся, проследовал в комнату для отдыха, где налил рюмку коньяку, а выпив, решил добавить. Все это время Бондаренко терпеливо ждал в кабинете. Когда Плотников появился, его бледный, нездоровый цвет лица сменился болезненным румянцем, и Геннадий подумал, что если Плотников не перестанет активно употреблять, то, пожалуй, цирроз печени в недалеком будущем ему обеспечен.

– Я намерен в ближайшее время решить наш вопрос, – несколько пафосно сообщил Михаил Яковлевич, продолжая разговор, как ни в чем не бывало. – Если Медведев будет артачиться, то подключу представителя Президента.

– Дергачева?

– Да, думаю, что против него он не пойдет.

– Будем надеяться! – Бондаренко засобирился. – Ну, мне пора! Да, чуть не забыл, к вам хотел зайти предприниматель Матвеев, познакомиться, так сказать.

– Матвеев? Это который...

– Да, да, – подтвердил Бондаренко, – тот самый всем известный бизнесмен. В последнее время он набирает вес, того и гляди выдвинется в Госдуму на следующих выборах.

– Да брось ты!

– Не будьте наивным человеком, Михаил Яковлевич. Бандиты сейчас активно идут во власть. У них появились деньги, солидные капиталы, и никто не хочет, чтобы все в одночасье улетучилось. Им нужны гарантии неприкосновенности, а это может дать теперь Дума. Так вы его примете?

– У меня, в принципе, есть время до обеда, – согласился Плотников, посмотрев записи в ежедневнике. – Пусть приходит сейчас, пока есть окно. А еще лучше, если ты его проведешь вроде как своего знакомого, не хочу, чтобы Веревкин на него обратил внимание. Не исключено, что он может его знать, тогда пойдут разговоры, сплетни, вони не оберешься.

С Матвеевым Геннадий договорился сразу, позвонив из кабинета Плотникова по известному ему номеру.

– Пойду его приведу, – предупредил он Михаила Яковлевича.

– Давай, давай! – разрешил тот. – Я пока посмотрю бумаги.

В прохладном холле областной администрации его уже ждал Матвеев. По виду он выглядел как бизнесмен средней руки: дорогой костюм, кожаный портфель, коричневые туфли известной фирмы. На пальцах золотые перстни-печатки. Заметив Бондаренко, Матвеев подошел к нему, и они коротко поздоровались.

Каждая встреча с Матвеевым или как звали его среди криминала – Матвеем, с той минуты как их познакомил Беспалый, вызывала у Бондаренко неведомый, безотчетный страх. Такой страх испытывает слабое животное, повстречавшее в лесу хищника. Никогда не знаешь наперед – сытый хищник или голодный, пропустит он тебя или бросится в погоню. Инстинкт в таких случаях диктует меры самосохранения, лучшая из которых, держаться подальше от опасного зверя. Но бизнес иногда сильнее инстинктов, и Бондаренко был вынужден поддерживать отношения с бандитским авторитетом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.